

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ЗАПРЕТНЫЙ МИР



Александр Громов

Запретный мир

«ЭКСМО»

2000

Громов А. Н.

Запретный мир / А. Н. Громов — «Эксмо», 2000

Если вы бывший студент и штангист-разрядник, чудесным образом переместившийся в мир доисторических людей, то ваша сила и знания вполне могут помочь вам стать непревзойденным воином и полководцем, предметом зависти и уважения окрестных диких племен, главным козырем в кровопролитных битвах. Особенно если у вас с собой волшебное оружие из неведомого диким племенам материала – стальной лом...

© Громов А. Н., 2000

© Эксмо, 2000

Содержание

ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	8
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	43
Глава 9	48
Глава 10	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Александр Громов

Запретный мир

Все выдумки, нет правды ни на грош!

А.К. Толстой

ПРОЛОГ

Зачинается песня от древних затей...

А.К. Толстой

Ни один из ныне живущих не скажет, что возникло раньше: мертвый вещественный мир или грозные, но бестелесные боги. Даже если бы кто-нибудь знал это наверняка, вряд ли он стал бы делиться с другими сокровенным знанием. Сокровенное – оно потому и сокровенное, что скрыто от чужих глаз, досужих ушей и праздных незрелых умов. Не следует посвящать в тайну тех, кто не в силах ни сохранить ее, ни с пользой распорядиться ею. Каждому свое: женщине прялку, воину оружие, вождю власть, кудеснику-чародею – знание, мудрость и великое молчание о тайнах высших сил. Об этом не болтают зря. Разве только совсем глупый пристанет к колдуну с расспросами – и, разумеется, не получит ответа.

Многое известно и так: некогда богам наскучил мертвый мир, и они населили его множеством живых существ, от ничтожной мошки, что всегда норовит попасть прямо в глаз, до лося, медведя и огромного, подобного утесу клыкастого зверя с красной шерстью, что ныне уже не встречается. Боги вдохнули жизнь в скалы, воздух, воду и населили мир несчетными полчищами духов, злых и добрых. Боги же позволили иным зверям дать начало человеческому роду, ибо богам стал скучен мир, в котором нет человека, существа слабого поодиночке, но сильного ордой, превосходящего разумом всех тварей земных. И боги забавлялись, глядя с высоты на творение рук своих.

Просторен мир, огромен мир – и все же недостаточно велик для людей. В его незыблемости его слабость. Наделив людей способностью производить потомство, боги просчитались: однажды мир стал тесен, и люди начали уничтожать людей ради того, чтобы выжить и дать будущее своему роду-племени, а не отродью врага. Земля перестала родить, зверье, сделавшееся редким и пугливым, ушло в непролазные чащи, человек сам уподобился зверю, начался великий голод и мор. Выжил бы в конце концов кто-нибудь, нет ли – неизвестно. И тогда боги, непостижимые и, в отличие от духов, издревле равнодушные к приносимым жертвам, решили подарить людям не один, а множество миров, ибо людям был нужен простор, а боги еще не устали смеяться, глядя с высоты на копошение двуногих созданий.

Так рассказывают старики. Может быть, и неправда это, потому что вряд ли кто из богов снизошел до того, чтобы объяснить людям происходящее. Но, так или иначе, человек получил то, чего страстно желал: простор, пищу и безопасность.

На время.

Никто из богов не подумал о том, что спустя бесчисленные поколения люди опять размножатся до того, что миры станут им тесны. А может быть, и подумал кто-то, но не стал менять раз и навсегда заведенный порядок вещей. У богов не спросишь, им нет дела до конечной судьбы двуногого племени, они лишь зрители, со снисходительным любопытством вззирающие на земную суетню.

Среди стариков есть и такие, кто готов до хрипоты доказывать, будто множество миров было сотворено изначально и снисходительность богов тут ни при чем. Но баламутам и врунам мало веры.

Неизвестно, кто первым из людей открыл Дверь, но все согласно сходятся на том, что это было очень, очень давно. Так давно, что Великое Свершение, или же Дивное Прозрение, навсегда отошло в область сказок, охотно рассказываемых стариками, любителями почесать языки у вечерних костров. Многие верят, что первыми, кто заглянул в соседний мир, были великий колдун Нокка, постигший суть вещей и смысл жизни, и жена его Шори, но уже никто не может уверенно сказать, из какого рода-племени вышел небывалый кудесник. То есть может, но много ли стоят шаткие доказательства, когда твой противник в споре приводит в ответ очень похожие доводы, из которых прямо следует, что Нокка и Шори якобы произошли именно из его, спорщика, племени. Шепчут даже, что на самом деле колдуна звали Шори, а его жену – Нокка. Люди племени Земли не согласны с этим, зато добавляют, что мудрый Нокка узнал о том, как открыть Дверь, подслушав немой разговор духов камня. Трудно сказать, кто прав. Проверить невозможно, как невозможно повернуть вспять текучее время.

Иные утверждают, что Дверь не видна только человеку, зато легко доступна любому зверю. В этих словах есть резон: почему в одно лето зверья полным-полно и охота обильна, а в другое его не найдешь днем с огнем? Говорят еще, что первым человеком, прошедшим Дверью, был Хукка, величайший охотник, равных которому не рождалось от начала веков. В образе белого волка Хукка неумоимо гнался из мира в мир за злым духом Шайгун-Ууром, превращавшимся то в лисицу, то в змею, то в ястреба, и в конце концов убил его. Победив же зловредного духа, Хукка якобы дал начало нынешнему племени сыновей Волка. Люди из других племен не спорят о корнях соседей, но не верят в первенство Хукки. Сколько племен, столько легенд, и каждая стоит других. Есть и такие люди, кто не верит ни в Нокку, ни в Хукку, ни в какого бы то ни было первопроходца из мира в мир, а считает, что способность открывать Дверь была дана немногим людям изначально как знак особого расположения к ним богов. Люди вообще очень разные, встречаются среди них и совершеннейшие невежды, утверждающие, что в первый раз Дверь якобы открылась сама собой. Но вряд ли стоит слушать рассказы самонадеянных глупцов.

Важно другое: стена с Дверью – только наполовину стена и уже совсем не преграда. Давным-давно люди нашли способ проникать из мира в мир. Но и прежде и теперь лишь немногие из них могут отыскать и открыть Дверь.

Сразу начались разбои, часто переходящие в кровавые вакханалии. Хорошо вооруженные отряды под водительством опытного кудесника совершали стремительный, как выпад мечом, набег в соседний мир и столь же стремительно исчезали, похватав что можно и, как правило, не понеся чувствительных потерь. Сколько поколений прошло, прежде чем жителями разных миров был заключен Договор, запрещающий взаимный разбой и оговаривающий помощь соседям, – не знает никто. Короткая человеческая память не сохранила и ответа на вопрос: прах скольких поколений людей лег в могильные курганы после заключения Договора? Для большинства людей какие-нибудь десять поколений уже сродни вечности. Важно другое: пока племя соблюдает Договор, оно по-прежнему будет страдать от грабительских набегов соседей из своего собственного мира и само вправе совершать набеги, но может не опасаться поголовного истребления и захвата своих земель. Спасение не замедлит явиться – при смертельной угрозе. Надо только открыть Дверь и попросить помощи в одном из ближайших миров. Нарушителей Договора нет – объявленные вне закона, они давно исчезли с лица Земли, их имущество досталось другим, их земли поделены между соседями. Нарушивший Договор вождь обрекает на уничтожение себя и свое племя.

Не все человеческие племена слышали о Договоре. Те, что живут на восход от горного пояса, не страдают от нехватки земли и оттого почти не воюют. Им Договор ни к чему, и иные

миры их не манят. Далеко на полудень, по слухам, лежат обширные земли, населенные могущественными и многочисленнейшими племенами. Там тоже не знают Договора – то ли потому, что надеются на свои поистине огромные силы, то ли южные чародеи утратили умение найти и открыть Дверь. А может быть, в тех краях попросту нет никаких Дверей или они расположены так, что лишь птица или крот могли бы ими воспользоваться? Может быть. Есть ли смысл говорить о дальних краях, вести из которых приходят не каждое десятилетие, и о живущих там народах со странными, неправдоподобными обычаями? Пока мир еще не чересчур тесен, пусть дальние живут как умеют.

Прихотливы и недоступны человеческому пониманию желания богов: есть целые миры, созданные ими неизвестно зачем. Прямой угрозы оттуда вроде бы нет, но лишь потому, что Договор велит держаться от таких миров подальше. Никакой кудесник, чародей или колдун, как ни называй того, кто способен открыть Дверь, не должен даже заглядывать в эти миры. Там нет ничего полезного. Ступив по неосторожности в такой мир, колдун не должен возвращаться – его не примут. Слишком велика опасность занести оттуда чужое страшное НЕЧТО, чтобы кто-нибудь отважился нарушить запрет. Цена ошибки высока непомерно. Во всех мирах известен простой и ясный закон: никто и никогда не должен открывать Дверь куда не следует.

Никто. Ни за что. Никогда.

Это главное.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

*Он видный был мужчина,
Изящных форм, с приветливым лицом...*

А.К. Толстой

Тум. Тум. Тум. Бух-х!.. Тум. Тум...

С каждым ударом лома стена гулко вздрагивала. Качался настил под ногами, туманом висела рыжая пыль, мелким бесом брызгала кирпичная крошка. Иногда из глубин продолбленной в стене ниши вываливался целый кирпич с присохшим пластом раствора, гулко рушился на заляпанный настил деревянного «козла» и, если не удерживался, летел вниз на кучу мусора. Тупое жало лома вбивалось в следующий шов – раз, другой. Кирпич упрямылся, крошился почему зря и целиком идти не хотел. Знамо дело: эту стенку клали летом, а если бы нынешней зимой, то забытую нишу в примерзшей, не схватившейся кладке расковырял бы за какой-нибудь час и щедедушный Агапыч, не то что Витюня.

Тум. Тум. Тум.

Агапыч как раз сидел внизу на доске, положенной на две кучи мусора, задумчиво курил третью подряд «Лаки Страйк» и смотрел, как подсобник колупает стену. Посмотреть было на что: Витюня трудился второй час с размеренностью стенобитного тарана. За это время он ни секунды не отдохнул, не сказал ни единого слова и только время от времени перехватывал поудобнее лом.

В дверной проем сунулся прораб Мамыкин по кличке Луноход, подышал на ладони, потопал валенками, зябко передернулся и сказал:

– Ага.

– Ага, – согласился Агапыч. – Еще с полчаса, тудыть, и все.

Мамыкин потер замерзший нос. Было заметно, что он хочет что-то сказать, но еще не придумал – что.

– Раствор привезли? – упредил вопросом Агапыч.

– Скоро будет. Ты тут не очень расслаживайся. На девятый подадим.

– Яволь, – сказал Агапыч вслед уходящему прорабу и, помолчав, добавил, вложив в интонацию всю неприязнь пролетариата к любому начальству, а к лишнему в особенности: – Ходит, тудыть, зараза. Змей.

Он помолчал, напрасно ожидая ответной реплики Витюни. Но тот продолжал молча крушить кирпич.

– Перекури, – предложил Агапыч. – Он в бытовку греться пошел, когда еще к нам поднимется. Слышь?

Витюня в последний раз выбил ломом стаю осколков, положил инструмент и, тяжело спрыгнув с закачавшегося «козла», присел рядышком на пискнувшую доску. Со стороны он походил на средних размеров йети, обряженного в телогрейку и старую ушанку, а мелкий Агапыч – на его детеныша. Верхняя пуговица Витюниной телогрейки не застегивалась – мешала толщина шеи. Крушить так крушить, «курить» так «курить», все едино. Хотя Витюня никогда не курил прежде и не собирался баловаться этим ни теперь, ни впредь. Вредно это. Иное дело перед концом работы принять на грудь стопарик водки, ровно один, только чтобы тепло побежало по организму, и занюхать ароматной хлебной корочкой, в крайнем случае – просто

промерзлой рукавицей. Пьян не будешь, а все веселее жить. Но до стопарика оставалось еще часа четыре, не меньше.

– Сорок лет на стройках отыщачил, а еще ни одной не видел, чтобы без долбежки обошлось, – жизнерадостно сообщил Агапыч, пуская дым через нос-пуговку. – Инженера, тудыть, начальнички... То дверь забудут, а то и вентиляционную шахту, – долби, Гаврила. И долбишь...

Витюня не поддержал тему – дышал на руки. Хотя, по правде сказать, долбить приходилось всякий раз ему, а не Агапычу. Агапычу что – он каменщик, только и умеет наскакивать: что, мол, ты мне раствор как собаке кидаешь? А как его еще кидать, спрашивается? Да и не кидают собакам раствор, нужен он им.

– Не свело? – спросил Агапыч, с уважением глядя на громадные Витюнины кулаки. – Это тебе, тудыть, не штанга. После лома иной раз так пальцы скрючит, не знаешь, чем и разогнуть. Что, прихватило?

Витюня покачал головой. Агапыч, притушив бычок о кирпич, ерзал на доске, хитренько заглядывал в глаза. По-видимому, еще не расстался с надеждой разговорить Витюню.

– Я одного знал, так он вместе с ломом с лесов навернулся, – сказал он наконец. – При мне дело было, в пятьдесят седьмом, тоже зимой. Знаешь, как тогда строили? Леса – ты, тудыть, хрен такие видал. Вот такенный трап, носилки, и ты тащишь... Да. Ну так вот: летит это он, значит, с шестого этажа, и лом у него в руке. Молча летит, вдумчиво. Этажа возле четвертого он, говорит, и допер: а зачем мне лом?! И как начал его от себя отпихивать! Одна рука, тудыть, пихает, другая, наоборот, вцепилась намертво – и ни в какую. Так почти что до самой земли с ломом и провоевал.

– Ну и? – осипшим басом спросил Витюня.

– Что «ну и»? – с досадой произнес Агапыч. – В сугроб упал, ушибся только да заикался потом с месяц. А лом рядом воткнулся.

Витюня не отозвался.

– Слова от тебя не добьешься, – осудил Агапыч. – Какой ты студент. Только и пользы, что силы невпроворот. Правильно тебя из института выгнали, вот что я тебе по секрету скажу.

Витюня натянул рукавицы, нахохлился и осторожно полез на разболтанного «козла».

– Не выгнали, – пробасил он оттуда, первым ударом вогнав лом в кладку на добрую пядь. – У меня академка.

Агапыч ушел. Витюня продолжал расширять нишу. Пусть будет даже пошире, чем нужно, – жалко, что ли? Ровная ниша, хорошая.

Тум. Тум. Тум. Тум.

Ход мыслей, нарушенный надоедой Агапычем, восстанавливался в такт ударам – по биту в секунду, как непременно съязвила бы Светка. Ну ладно. Вот, скажем, лом. Простой инструмент из стали марки 45 или 60. Ничего сталь. Варится, куется. Руками не согнуть, разве что о колено. Пожалуй, тонковат, да и легковат, не по руке – но на то он и лом, а не гриф от штанги. Что еще есть в этом слове? Лом – это то, что ломает, или то, что уже поломано? И так бывает, и этак. Задумаешься, коли твоя фамилия Ломонос. Не Михайло Ломоносов, извольте видеть, а Витюня Ломонос. Как в насмешку. Наградил родитель. Лом тут, правда, ни при чем, а просто кто-то из предков, скорее всего, кому-то когда-то сломал нос, вот и фамилия. Кстати, а Ломоносов согнул бы лом? Наверное. В узел-то он вязал по случаю – не то кочергу, не то случайного прохожего. Правильный был мужик.

Вместе с проплывшей мыслью о штанге пришла тоска. Обманула штанга, подвела. Семь лет назад благодаря ей Витюню провели считай без экзаменов в Институт стали и сплавов – ему было все равно куда. На том удача и кончилась. А где вожделенные победы на спартакиадах, универсиадах, олимпиадах? Международные турниры? Где? Какое-то время они жили в розовых мечтах, но мечты постепенно выцвели, а потом и вовсе куда-то исчезли. Остались

будни, хруст в позвонках, гулкое буханье штанги о помост, сто грамм после душа да телик в общаге. Ходи на тренировки, не уклоняйся от соревнований, выжимай очки команде – за это тебя терпят и не гонят взащей.

– Дерево ты, – укорял тренер после нелегкой победы над хилой командой библиотечного института. – Сила есть, мышцы наел, а настоящего таланта к железу в тебе не вижу. Интеллект где, а? Под штангой мыслить надо, а ты вечно сонный какой-то. Э, ты меня вообще слышишь, нет?..

Витюня понуро бубнил что-то в оправдание. Второразрядником во втором среднем весе пришел он в институт – уходил перворазрядником в полутяжелом, не дотянув даже до кандидата в мастера. Спортивная карьера не удалась.

Пока выяснялось это обстоятельство, изменились времена. Спорт в институте как-то незаметно отошел на второй план, а потом и вовсе забылся. Пришлось попробовать учиться. На громоздкую фигуру Витюни, бессвязно лепечущего что-то про футеровку и кислородное дутье, доцент Колобанов смотрел как на новые ворота: кто ты такой, добрый молодец? откуда взялся? кому нужен?

О том, чтобы остаться хотя бы при спортивной кафедре, не могло быть и речи. Ближайшая перспектива вырисовывалась отчетливо, а где-то за нею туманно маячил тугой мясистый шиш. Последние полгода учебы – двадцать минут позора на защите – диплом в зубы – и лети, голубь. А куда прикажете лететь? Трудиться мастером на «Серпе и молоте»? Охранником у «новорусского» теневика? Витюня понимал, что он слишком большая мишень. Рэкет – нет навыка и не хочется.

Возвращаться с ненужным дипломом в родимые Мошонки? К огороду и колхозным полям? Вытаскивать из грязи трактора всегда успеется. Вышибалой в казино? Один раз Витюня попробовал. Казино потрясло ощущением чего-то инопланетного, глубоко иррационального. В первый же вечер, сообразуясь больше с инстинктом, чем с инструкциями, он по ошибке вышиб кого-то не того и на следующий день получил расчет. Призрак «Серпа и молота» замаячил совсем близко.

Спасибо тренеру – устроил еще одну академку. Денег не было. Приятель представил скупающего Витюню знакомому бригадиру строителей, взяв за протекцию пиво, только пиво и ничего, кроме пива, добрый человек. Витюня «на слабо» легко оторвал от пола стопку в двадцать семь силикатных кирпичей. Правда, на пятый этаж, как было условлено, занести не смог – неудобная стопка напрочь закрывала обзор, – но и без того был взят подсобником и трудился уже пятый месяц. Временная работа не постыдна, будь ты хоть золотарем. Впрочем, насчет профессии золотаря Витюня не был уверен.

Дом строился элитный, для «новых русских» – недалеко от Садового кольца, розово-кирпичный снизу доверху, с большущими лоджиями, хитрыми выступами, намеками на декоративные башенки, гаражом в подвале и пентхаусом на крыше. Впрочем, до пентхауса дело пока не дошло. На него-то больше всего и хотелось посмотреть Витюне, хотя ему и объяснили разницу между этой принадлежностью элитного здания и одноименным журналом.

Платили на стройке прилично, даже подсобникам, и обычно вовремя. Хватало и на платный теперь спортзал, где Витюня появлялся все реже, и на пиво, которое Витюня не любил, но пил все чаще, и на то, чтобы сводить Светку в кафе, и на дребедень всякую. Хватало и квартирной хозяйке, у которой Витюня снимал комнату – из институтской общаги его все-таки выперли. Вдобавок через три года трест сулил квартиру в новостройках – значит, ежели не обманут, между городом и чистым полем в краях, где такой зверь, как рейсовый автобус, навечно занесен в Красную книгу. Квартиру Витюня собирался продать, а на вырученные шиши начать свое дело. Какое – пока было не ясно, но Витюня рассудил, что там видно будет. Будущее рисовалось в перспективах не то чтобы радужных, но обнадеживающих.

Многоопытный Агапыч верно оценил камнеломные способности Витюни: через полчаса ниша была готова. Витюня поправил края, отряхнулся, слез с «козла», сдвинул валенком кирпичный сор и глянул в оконный проем. За забором стройки виднелся кусок улицы, плотно заткнутый автомобильной пробкой, а ближе ползал заиндевельный кран и под присмотром Лунохода по разъезженной колее дергался туда-сюда самосвал, примериваясь кормой к выстроенным во фронт бадьям.

«Раствор привезли», – механически отметил Витюня. «Козла» он, подумав, оставил на месте, а лом прихватил с собой и неспешно направился вверх по лестнице.

На девятом задувало. Выше пока не было ничего, только нависшая над головой стрела крана, слегка покачиваясь, тянула снизу какой-то груз. Ноги скользили по снегу, утопанному в корку. Вчерашняя кладка, ростом ниже колена, эмбрион наружной стены, была припорошена дивно чистой снежной крупкой.

– Возьми веничек, тудыть, снег смети, – указал Агапыч. – Половинок кирпичей наломай мне ровных. Да положи ты этот лом ради бога!

Витюня сонно кивнул. Положить так положить. Смести так смести. Наломать так наломать. А хороший, однако, кирпич идет на элитные дома «новых русских», не рассыпается в труху в руках и ровно колется о колено... Когда-то рабочие сбегались посмотреть, как Витюня ломает кирпич – теперь, давно привыкшие, перестали интересоваться. Как так и надо...

Он еще не догадывался о том, что случится с ним через несколько секунд, да и мудрено было догадаться.

То ли ветер чересчур раскачал бадью на стропах, то ли сплеховал крановщик – то решать следственным органам, никак не нам.

– Берегись! – не своим голосом завопил Агапыч. – Вира, тудыть твою!..

Заинтересовавшийся Витюня повернул голову. Это было единственное толковое движение, которое он успел сделать. Полная раствора бадья боднула его сзади, пониже спины. Витюня заскользил, заюлил на льду, извернулся, попытался сохранить равновесие и, наткнувшись икрой на нечто твердое, невысокое, судя по ощущениям – вчерашнюю замерзшую кладку, удивленно пробасил:

– Это чо?

В следующее мгновение он уже летел спиной вниз с девятого этажа, с немим изумлением наблюдая удаляющуюся в небо кромку наружной элитной стены и медленно выплывающее из-за нее помятое днище бадьи. И в руке у него был зажат лом.

Глава 2

Кем здесь нарушена святая тишина?

Чей голос разбудил уснувшие долины?

А.К. Толстой

Старик спешил. Подъем на Двуглавую давался ему трудно – всякий, кому повезло топтать свои дороги седьмой десяток зим, знает: Земля-Мать мало-помалу берет назад то, чем скупно или щедро снабдила когда-то бессмысленное лепечущее существо, – силу. Тяжек долг перед Землей, велик груз лет, и тут уж вертись не вертись, хоть ходи без передыху, хоть лежи пластом – Земля всегда возьмет свое. У лежачего даже скорее. А бывает, не допусти беды духи очага, прежде силы возьмет ум.

Мальчик неслышно держался на шаг позади, время от времени легко отскакивал, когда под опорками старика сланцевый щебень приходил в движение, и в то же время готов был мгновенно прийти на помощь, если щебень заскользит неудержимо. Такое здесь случается часто. Скверная осыпь... самый трудный подъем на Двуглавую, зато и самый короткий.

Солнце уже высоко поднялось над распадком и ползло еще выше, чтобы в полдень чиркнуть желтым краем по верхушке Полуденной горы. Слепило. Иголочками втыкались в глаза отблески слюдяных чешуек на скальных выходах. Шума битвы уже давно не было слышно, лишь изредка издали доносилось слитное «а-а-а-а», а рев ли это боевой ярости или вопль разочарования – отсюда не понять, да еще реже за горой протяжно ухало и далеко разносилось раскатами эхо – значит, защитники долины столкнули на атакующих очередной валун. Где-то там грохотало, дробились, сталкиваясь, воюющие в полете камни, с протяжным стоном валились сбитые ели, кричали погибающие люди, а здесь лишь по продолжительности эха можно было судить, насколько удался обвал, рожденный спихнутой с кручи глыбиной.

– Пятый, – с хрипом выдохнул старик и остановился на краю осыпи, ловя ртом воздух. Последние перекаты эха, слабея, металась между горами. – Это последний, больше на Полуденной не напасли валунов. Ну, теперь без нас не обойдется. Не сдюжат.

– Может, это на Плешивой, – звонко возразил мальчик ничуть не запыхавшимся голосом. – Шумит далеко, не разберешь где.

Старик сердито посмотрел на подростка, но ничего не сказал. Давно не мал уже, понимать должен. Плешивая гора и выше, и круче, удобных валунов на ней хоть отбавляй, десяток воинов с тремя десятками женщин сдержат там целое войско – какой же враг туда сунется? Разве что совсем глупый. После вчерашней неудачной попытки прорваться в долину в лоб плосколицы непременно попытаются подняться на Полуденную, и если им это удастся, сразу сотни бойцов пройдут часть кряжа по широкому гребню и свалятся защитникам в тыл. Пусть каменное и костяное оружие пришельцев не идет ни в какое сравнение с чистой медью оружия людей Земли – численный перевес сделает свое дело. И поэтому надо спешить. А мальчику – мальчику можно объяснить потом, когда дело будет сделано. И, конечно, если оно будет сделано вовремя. Потом...

Старик несколько раз глубоко вдохнул. После мучительного подъема по осыпи ноги казались чужими и противно дрожали. Муть перед глазами исчезала пугающе медленно.

– Пойдем...

Вскоре вышли на тропинку. Она петляла меж узловатых, скрученных ветром сосен и полого поднималась вверх, спиралью обходя гору. Чем дальше, тем больше попадалось пеньков, топырящих потемневшую щепу. Пахло гарью из остывших ям, где недавно жгли дерево на уголь. Зеленый малахитовый порошок в плетеных коробах, укрытых под навесами от непогоды, ждал своей очереди обернуться твердой медью, годной для всяких поделок. Две новые

плавильни смотрели поддувалами на восход солнца – судя по приметам, вот-вот должен был задуть восточный ветер. Отдельной кучей валялись закопченные обломки гранита, треснувшие в огне и непригодные для дела, – из отслуживших свое печей, безжалостно разломанных после первой и единственной плавки. Еще больше печей находилось на полуночном склоне Двуглавой: северные ветры злы, но позволяют получать лучшую медь. Лес там был сведен вовсе.

– Деда! – подал голос мальчик. – Давай я сбегаю. Я бы уже давно там был. Ты поднимешься, а я уже и Дверь нашел, а?

Старик, которому мальчик приходился не внуком, а правнуком, не оборачиваясь погрозил клюкой. Клюка была не повседневная, деревянная, а праздничная, заметно изогнутая, с любовью сработанная из редкой кости зверя-громадины с волосатой ногой на морде, который ныне не встречается, – мальчику доводилось видеть необработанную кость, привозимую на мену с закатных равнин. К тому же резьба на клюке многократно повторяла изображение все того же зверя.

– Нашел бы? Экий прыткий. Лучше скажи: лозу срезать не забыл?

– Срезал, деда, даже две.

– Там, где я говорил? За ручьем? Дай-ка посмотреть. Окажутся плохи – обратно побежишь, так и знай.

Подросток только пожал плечами. Старик, зажав клюку под мышкой, придирчиво осмотрел оба прутика с одинаковыми развилками на концах. Попробовал, как лежат в четырехпалой, с давно отрубленным мизинцем руке, покачал туда-сюда.

– Эта хороша. И срезал верно, молодец. А вот вторая твоя лоза даже в костер не годится, разве что на порку. Небось там резал, где заросли пожиже? У валуна, так я понимаю?

– Там ивы хорошие, – потупился подросток.

– Лентяй. Хочешь иметь хорошую лозу – не бойся исцарапаться.

Подросток обиженно шмыгнул.

– У тебя же своя лоза есть, дед!

– Есть-то есть, да старая. Я ее в то новолуние резал. Сила в ней уже не та. Уходит сила... – Старик вздохнул. – Опять я с тобой заболтался! Пошли.

Он не хотел признаться ни мальчику, ни себе, что короткая – на минуту – остановка пришлась как нельзя более кстати. Серая пелена качалась перед глазами, ноги отказывались служить, в висках бухали медные молоты и отдавались тупой болью в сердце. И зачем он отказался от мысли заночевать здесь же, на склоне горы, в шалаше углежогов! Понадеялся, что не придется воззвать о помощи? Вообразил, что плосколицые гости с востока после первой неудачи откатятся в свои болота?

Ну и глупо. Раз уж враги переправились через Мать Рек, значит пожаловали всерьез, всей силой. Просто так не уйдут. Прожил долгую жизнь, а ума нажил разве что чуть больше, чем у Ер-Нана. Тот, как ни отговаривали, увязался утром с запасным отрядом – не запретишь, уж взрослый, хотя и бестолковый. Внук называется. Стоит сейчас, должно быть, за завалом, а то и на завале, призывая гнев Матери-Земли на головы атакующих. Много он напризывает. Разбудить Землю не всегда удавалось даже древним чародеям, что уж говорить о нынешних, тем более о Ер-Нане. Если убережет в схватке свою голову – и то ладно. Вот Юмми – старик через плечо покосился на мальчика – как ни жаль, и способнее, и умнее. Она... он и заменит, когда придет время... если сможет. Уже сейчас берется за то, что пока не по силам, с недетской осторожностью. И давно догадывается, что все, ну почти все из того, что приписывают чародеям соплеменники, о чем за глаза болтают небылицы, – небылицы и есть или еще того хуже – просто фокусы. В лучшем случае – перевранные легенды о былых чародеях, не нынешних. А на самом деле единственное, ну почти единственное, что умеет чародей и чего не умеет никто другой, – открыть Дверь.

* * *

Разведчиков плосколицых проморгали, да, по правде сказать, и не высматривали особо. Охотники племени не любили уходить далеко от гор, редко кто из них хотя бы раз в жизни переправлялся через Мать Рек в челнах соседей-рыбарей из родов Выдры и Лосося. Соседи с востока, хоть и были людьми чужого языка, казались мирными. К торговле они, правда, приучены не были, но и особой воинственностью прежде не отличались. Стычек с ними не случилось уже много лет, а о больших войнах не помнили и старики. Плосколицые, с желтой кожей люди населяли обширный край болот, чахлых лесов, пустошей и тундр, перегоняли с места на место неисчислимы стада оленей с большими раздвоенными копытами, держащими животину там, где человек тонет, и, как рассказывали старики, до того привыкли шуриться от гнуса, что глаза у них сузились в щелки, а скулы раздалась вширь. Люди как люди, только странные. Зачем жить в болотинах среди гнуса, если можно уйти поискать места на высоком?

Так они и сделали. То ли случился небывалый доселе падеж оленей, то ли какая иная причина была тому виной, только мир с людьми востока кончился вдруг, когда орда переправилась через Мать Рек. Передовые отряды плосколицых показались позавчера перед закатом у входа в долину и едва не прорвались с ходу, воспользовавшись внезапностью и суматохой. Не сонные дозорные, проворонившие врага, а запыхавшиеся от сумасшедшего бега мальчишки, с детскими луками охотившиеся поблизости на уток, подняли тревогу в последнюю минуту. Растак собрал немногих мужчин, оказавшихся в деревне, и еле успел заткнуть узкий проход – неглубокое ущелье, промытое ручьем в распадке, самый удобный вход в долину и самое уязвимое место, случись обороняться. В короткой схватке пошли в ход топоры, каменные и медные молоты, дубинки, охотничьи рогатины, мотыги, даже бабьи серпы – что у кого случилось под рукой. Враг был отброшен, подоспевшие стрелки проредили убежавших и долго улюлюкали вслед. Своих погибло двое, а раны получил почитай каждый второй из сражавшихся. Большинство ран, нанесенных в свалке камнем или костью, оказались легкими, но все же пятерых воинов унесли в деревню под призор старух-травниц, а выживут или нет – то знает Земля.

Если бы Растак по праву вождя распоряжаться на войне всем и вся не приказал усилить древний каменный вал в шестьдесят шагов длины, перегородивший ущелье от скалы до скалы, люди начали бы делать это без его распоряжения. До ночи мужчины и женщины собирали, громоздили друг на друга гранитные обломки и сланцевые плиты, подпирали для крепости бревнами. Дети тащили окатыши из русла ручья, старались выбрать потяжелее. На гребень вала валили разлапистое корье, из-за которого так удобно бить из луков. Никто не знал, какова сила пришедшей орды; городить вал на высоту человеческого роста вошло в спасительную привычку. Последний раз этим пришлось заниматься шесть зим назад, когда люди Выдры напрасно вздумали пожитья богатством соседей, – теперь с ними мир, и урок они помнят. А вал с тех пор успел наполовину рассыпаться, подмытый половодьями да паводками. Ручей, для которого в валу пришлось оставить щель в три шага бурной воды шириной, – он только летом ручей, а по весне настоящая река.

Враги держались у кромки леса в двух-трех перестрелах от вала и до самых сумерек, когда к ним подошло подкрепление, не предпринимали попыток штурма, лишь выли в голос, указывая на тела убитых сородичей, да где-то далеко в лесу плосколицый чародей бил в бубен. В сумерках лес как бы зашевелился, далеко слышался многоногий топот, хрустел валежник, чужой говор сливался в равномерный шум. Враг, уверенный в своей силе, шел без излишней осторожности. Но с темнотой все стихло.

Безлунной, как назло, ночью жгли яркие костры, метали в темноту стрелы с зажженными пучками просмоленной шерсти. Никто не спал в эту ночь; воины сжимали оружие, каждую минуту готовые к бою, женщины продолжали таскать камни. Тропами в потемках пробирались

гонцы. Предупрежденные пастухи готовились с первыми проблесками зари начать отводить стада в горы.

Ночь прошла спокойно: то ли плосколицы ночью не воевали, то ли не решились на нападение в плохо знакомой местности. Костров врага не было видно – вероятно, плосколицы, боясь ночной вылазки, отошли с темнотой глубже в лес. Зато с рассветом они вышли из леса в количестве многих сотен.

Широко разойдясь вначале, медленно, как бы в нерешительности поднимаясь к проходу, плосколицы сгущивались плотной темной массой. Теперь каждый мог хорошо рассмотреть врагов. Низкорослые, темноволосые, одетые в длинные, ниже колен, кожаные рубахи, у многих прихотливо расшитые и отороченные мехом, обутые в толстую, пропитанную жиром кожу, в которой равно удобно ходить по болотам и карабкаться на скалы, плосколицы, по разумению людей Земли, были вооружены как попало и чем попало. Бывалые воины качали головами, глядя на копы с наконечниками из обточенного кремня или рога, на костяные гарпуны, на палицы, каждая из которых являла собой палку с сидящим на конце просверленным булыжником, даже на дубины, простые и с вбитыми в комель осколками халцедона. Лишь первые ряды прикрывались небольшими щитами, обтянутыми кожей морского зверя и без блях.

Иные из молодых бойцов, почуяв во вчерашней сшибке слабость чужого оружия, кричали во всеуслышанье: быть плосколицым битыми! Те, кто постарше и поопытней, хмурились, растолковывая глупым: сильная числом орда может справиться с оружными одним дреколем, была бы нужда. Одно спасение – узость ущелья...

Лучников среди врагов почти не оказалось, зато позади темной массы плосколицых три-четыре десятка воинов заранее раскручивали ременные пращи – готовились бить через головы своих. Там же надоедливо дребезжал бубен: явно чародеи плосколицых призывали на помощь духов болот.

Растак не стал тратить время на попытки вступить в переговоры. Если бы люди с востока пришли не с войной, их послы явились бы первыми, еще вчера. С дарами, а не с оружием. Нет, Растак ни за что не позволил бы и послам ступить на землю своего народа. Переговорить на ничейной земле – да. Согласился бы. За подарок указать пришельцам удобный путь в земли соседей – тоже да. Но это совсем иное дело.

Гнев туманил голову вождя. Будь врагов меньше, он приказал бы атаковать и повел бы воинов сам. Любой воин Земли легко одолеет в открытой схватке двоих, даже троих плосколицых. Но если врагов десятеро на одного и вдобавок в лесу может ждать засада – сиди за завалом и не подставляй без нужды голову.

Растак скрипел зубами от ярости.

В полете стрелы перед валом плосколицы на миг замерли. И вдруг – огласив горы воем, ринулись на штурм все разом.

Ударили тетивы, навстречу врагам скользнули стрелы. Стрелки били уверенно, на выбор. Щиты плосколицых оказались плохой защитой – десятки чужаков остались лежать на подъеме, прежде чем воющая толпа с разбегу втиснулась в проход между скалами и темной волной хлынула на оцетиненный копыями вал.

Сшиблись. С воем, с ревом, в котором уже никто не слышал ни бубна чужого чародея, ни команд вождя, ни собственного крика. С неслышным визгом твердая кованая медь скользила по камню, копые, находя тело врага, выдергивалось прежде, чем раненый успевал схватиться руками за древко, и, пока топор товарища довершал начатое, жадно искало новую цель. Били булавой; сойдясь вплотную, резались ножами. Со скал, куда Растак с утра отправил часть женщин и подростков, на головы плосколицых летели камни и дротики, пущенные неумело, но смертоносные вот так – сверху, в сумасшедшую толчею в узости прохода. С оглушительным треском накренилось и ухнуло вниз со скалы подрубленное дерево.

Ни один из плосколицых не ступил за вал. В короткой ответной вылазке воины Земли перекололи отползавших раненых, повыдергали из трупов стрелы, подобрали оружие. Хоть и плох боевой снаряд чужаков – оставлять врагу не годится, а запас рук не оттянет.

Убитых плосколицых насчитали до сотни, но и своим досталось. Бойцы, в горячке боя не заметившие ран, спешили к травницам или перевязывали себя сами – приматывали ремешками бересту с жевком горькой ивовой коры. Кто-то из старух выл над покойником. Растак сосчитал взрослых мужчин, способных держать оружие. Сотня и еще двенадцать, включая запасной отряд. Все ли здесь? Нет, не все. Нет пастухов при стадах, нет сберегаемых от всякой напасти мастеров-плавильщиков, нет еще пуще сберегаемого старого чародея Скарра с учениками – внуком и правнуком, нет часового у невидимой Двери. Нет охотников, ушедших на восход, и не будет: если кто-то из них и не попался орде, в долину ему сейчас все равно нет дороги.

Женщины, подростки. Их вдвое больше, чем воинов. Многие из них сегодня в первый раз взяли в руки оружие мужчин, и многие – в последний.

Плосколицы копились у леса. Кричали и выли они по-прежнему, но изменили тактику. Не меньше двух сотен чужаков, вооруженных только пращами и запасом камней в кожаных поясных мешках, внезапным броском достигли удобного рубежа для обстрела. Почти не понеся потерь, они успели развернуться широкой цепью перед проходом и раскрутить пращи. Жужжащий рой камней вынудил лучников попрятаться за вал, и сейчас же часть пращников переключилась на скалы, заставив защитников укрыться кто куда. Без крика сорвалось с кручи женское тело с разбитой камнем головой. Кто-то вопил от боли, баюкая раздробленную кисть.

Обстрел продолжался ровно столько, сколько понадобилось орде, чтобы приблизиться вплотную. Схватка показалась долгой, как жизнь. На гребне вала враг мог сражаться только равным числом, но место убитых врагов тотчас замещалось живыми. Был момент, когда вал был прорван посередине, и Растак в отчаянии швырнул в бой запасной отряд – десяток лучших воинов, вооруженных топорами и короткими мечами из особой меди, сплавленной с драгоценными добавками, что иногда с большим трудом удается выменять у дальних людей с юга. Женщины, визжа, по двое и по трое набрасывались на скатившегося с вала чужака и, не давая опомниться, метили камнем в лицо, рвали чем придется, навалившись, топили в подпруженном валом ручье. Плосколицы отступили и на этот раз.

Солнце уже припекало всюду, когда начали возвращаться гонцы, отправленные Растаком за помощью к соседям. Племя Выдры отказало в помощи, напомнив о прошлых обидах. Вождь племени Соболя не удостоил посланца ответом. Вождь Медведей обещал помочь, но медлил, ссылаясь на необходимость держать границу с крысохвостыми. От многочисленных людей Вепря, живущих на закат и полуночь, пришло всего полтора десятка бойцов, очень похожих на соглядатаев: насколько велика беда соседей и не пора ли ударить в спину? Но сейчас каждый человек был на счету, и Растак, хоть и потемнел лицом, не отослал назад жалкую подачку.

Лишь после того, как солнце упало за Двуглавую, стало понятно, почему враги до самого заката не решились на новое нападение. Шарили у подножья Плешивой, малыми силами пытались вскарабкаться на Полуденную и отступили, увидев высланный Растаком отряд, – но на штурм вала не шли. В сумерках редколесье зашевелилось – к плосколицым подошло новое подкрепление. Дозорные на вершинах гор доносили, что видели не только толпы воинов, но и множество детей и женщин, а одному из них будто бы удалось разглядеть вдалеке за лесом небольшое оленье стадо.

Это было уже серьезно. Не привычный грабительский набег – переселение целого племени, а то и союза племен, гонимого неведомой бедой. Сила страшная. Вряд ли плосколицым понравятся горы, им нужны олени пастбища. Согнав с привычных мест людей Земли, Медведя и Вепря, они не задержатся здесь – потоптав посевы, уничтожив запасы, сожрав овец и

коз, пройдут дальше на закат, погонят стада оленей туда, где пояс гор мало-помалу понижается, а потом кончается вовсе. Там обширные, пригодные для пастбищ равнины, леса, болота, медленные реки в топких берегах. На закате живут племена одного языка с людьми Земли, но ведущие свой род от разных предков: Бобра, Горностая, Ястреба. Есть и не помнящие родства, приносящие жертвы Солнцу или деревянным богам, а то и просто деревьям, битым огнем с неба.

С десяток рабов из тех, кто по отдаленности родных мест посчитал для себя более выгодным ждать конца рабского срока, нежели бедствовать в бегах, согласились взять в руки оружие в обмен на свободу, место у очага и голос в делах людей Земли. Их Растак поставил на вал, заткнув самые опасные бреши в обороне. Небольшие отряды испытанных бойцов перехватили удобные пути подъема на Плешивую и Полуденную.

Только утром вождь понял, что ошибался, предполагая отбиться своими силами. С рассветом малая, но все равно намного превышающая числом защитников часть врагов ринулась на вал, один отряд попытал счастья на Плешивой и немедленно отступил перед горсткой защитников и опасной кручей; большая же часть атаковала Полуденную. Не слишком яростно, скорее осторожно, даже медлительно взбирались отряды врагов на поросший редким сосняком склон. Нащупав уязвимое место, не спешили, опасаясь ловушек, выслали вперед пращников, не желая нести ненужных потерь, – но все-таки поднимались. Медленно. Неуклонно. Страшно.

Растак неслышно стонал. Большая сила ломала малую. Сколько людей можно снять с вала и послать в помощь малому отряду, отжимаемому к вершине Полуденной? Десяток, два? Не поможет. Воинов, как всегда, хватило бы на войну с соседями, но не с тысячной ордой. Куда там! Вал в ущелье еще можно защищать, наполовину силами женщин и подростков, – но как помешать плосколицым перевалить через не такую уж высокую и куда менее крутую, чем хотелось бы, гору? Нет людей, и врага не отбросить – можно лишь задержать. Ненадолго. Еще до полудня орда, истребив стойких, обратив в бегство малодушных, ворвется в долину... если только старый бессердечный чародей Скарр, упрямо не обращавший вчера внимания на многозначительные взгляды вождя, а сегодня все понявший сам и поспешивший за помощью, не успеет открыть Дверь...

Глава 3

Когда Глагола творческая сила

Толпы миров воззвала из ночи...

А.К. Толстой

В пологом, продутом ветрами распадке меж вершин Двуглавой маялся часовой. Не дожидаясь знака удалиться, он торопливо махнул поклон старику и, отбежав шагов на сто, повернулся спиной. Не дело простому воину смотреть на колдовство, рассерженный чародей может наслать порчу – потом умаешься валяться в ногах, вымаливая прощение.

– Ступай-ка вон туда, – сказал старик мальчику. – Вдвоем быстрее.

Два прутика – ивовый и ореховый, – выбранные по приметам, известным только чародеям, срезанные где надо и как надо, с молитвой древяницам, без которой из куска дерева сразу уйдет сила, указали направление. Там, где сошлись старик и мальчик, старик клюкой очертил круг. Любой человек Земли знает: Дверь стоит и не стоит на месте – не выходя за пределы пространства в сотню-другую шагов, она медленно и прихотливо блуждает по известному только ей, никогда не повторяющемуся пути.

– Смотри, Юмми, смотри внимательно, – сказал старик. – Может быть, и тебе когда-нибудь придется открывать Дверь. Хотя было бы лучше, если бы не пришлось... Подержи-ка клюку...

Выбрав себе место подле отмеченного круга, он воздел к небу четырехпалые руки и нараспев прочел заклинание. Подростку показалось, что воздух над кругом всколыхнулся, но ничего не произошло. Поморщившись, старик сдвинулся чуть вбок. Вторая попытка принесла удачу: с последним словом заклинания воздух над очерченным кругом задрожал, как над костром из сухих дров. Через несколько мгновений ожидания в круге появился человек. Не вошел в круг – возник в нем как бы из ничего, из дрожания воздуха. Он походил на отражение в чистой воде, подернутой рябью. Глаза уставали смотреть на него. Длинный посох в руках человека прихотливо извивался и изламывался, так что Юмми не сразу понял: не посох он держит – копьё. Значит, воин... Понятно: в том мире место, где блуждает невидимая Дверь, тоже охраняется воинами, не чародею же стоять там на страже.

– Я зову Ханни, – сказал старик. – Пусть придет на зов.

– Ханни не придет, – глуховато, с нездешним выговором ответил воин. – Ханни болен, душа его бьется, как птица в силке. Духи воздуха гневаются на наш народ.

– Значит, мне нужен его старший ученик.

– Учеников Ханни нет, – возразил воин. – К нам пришел мор, много людей умерло. Твоему племени нужна помощь?

– Да. В плохой год беда приходит ко многим.

– У нас еще есть воины, но подумай: не окажется ли наш мор хуже вашей беды?

– Ты прав, – согласился старик. – Передай Ханни, что я желаю ему поправиться. Прощай.

Он опустил руки, закрывая Дверь. Воин исчез. Старик снял с плеч накидку из рысьей шкуры, сунул мальчику:

– Спрячь в котомку.

– Зачем, дедушка? – спросил мальчик.

– Попросим помощи в мире людей Рыси. Тот, кто просит, не должен оскорблять.

На этот раз пришлось ждать довольно долго. Наконец в дрожании воздуха появился мужчина и, издав возглас удивления, не раздумывая шагнул из круга. Чужой чародей был еще не старым мужчиной и тоже опирался не на клюку, а на копьё, как воин. Куцый рысий хвост красовался на узорчатом древке копьё. Узкий кожаный шнурок, перехвативший у лба черные, с

едва заметной проседью волосы чужака, был украшен подвесками из рысьих клыков. Такие же клыки были нашиты на ожерелье чародея.

Вслед за чужим впорхнул, кружась, желтый осиновый лист и улетел, подхваченный ветром, – в мире Рыси была осень.

Старик остался стоять с поднятыми руками. Шагнуть без слов из мира в мир в ответ на зов – знак доверия и подтверждения Договора, а вот захлопнуть Дверь за спиной гостя – не оскорбление, но невежливость, для просителя недопустимая.

Не стоило сейчас и тешить праздное любопытство: почему с той стороны Двери оказался сам кудесник, а не простой воин? Ждал, что ли? А может быть, оставаясь невидимым, подглядывал в чужой мир, на что способны немногие? Не спросишь, а спросишь – не ответит. К тому же Договором это не запрещено...

– Мира и удачи тебе, Скarr, – отрывисто приветствовал старика чужак. Он словно бы выплевывал слова, как принято в мире Рыси. – О-хо! Давно мы с тобой не виделись. Кто это с тобой – новый ученик?

– Мира и удачи тебе и твоему роду, Шанги, – отозвался старик. – Не сердись на меня за то, что я явился некстати – беда не выбирает времени. Я пришел просить о помощи.

– Ты знаешь Договор, – возразил чужой чародей. – Не знаю, что у вас за беда, но если твое племя в силах справиться само, мне нечего тебе сказать. Кстати, в прошлый раз мы вам помогли, а не наоборот.

– Я помню. Это было давно. Мой народ всегда готов заплатить долг.

– Даже ценой нарушения Договора? – любопытствовал чужак. – Скажем, я попрошу воинов для похода на соседей. Дашь? Уговоришь вождя?

– Нет, – твердо ответил старик. – Ты тоже знаешь Договор. К чему твои вопросы? Не нам нарушать то, что установлено предками.

Чужак хмыкнул, коротко кивнул, соглашаясь, поскреб пятерней в голове над кожаным шнурком – очевидно, он не считал обязательным напускать на себя важность перед знакомым чародеем из чужого мира – и сразу посерьезнел.

– Какая беда пришла к вам, Скarr? Говори. Мои уши открыты.

Выслушав краткий рассказ, он задумался всего на мгновение. Затем коротко бросил:

– Сотня воинов Рыси. Ждите.

– Не мало ли, Шанги? – осторожно возразил Скarr. – Не отстоим долину.

Шанги рассмеялся.

– Чудишь, старик. Что я, долины вашей не знаю? У нас точно такая же. Кто бы ни шел на вас, сотни бойцов в помощь вам хватит. Ждите!

Он шагнул в круг и исчез в дрожании воздуха. Старик остался стоять с поднятыми руками.

Ждать. А орда плосколицых, тесня горстку защитников, все выше взбирается на Полуденную, скоро выйдет на гребень, неудержимой лавиной скатится с гор в долину, в тыл изнемогающим защитникам вала... Ждать...

Слабая попытка провести Шанги не удалась. Сотня воинов – хорошая помощь. Хватит, чтобы сделать оборону крепче меди и заставить врагов отступить восвояси, а большего и не надо, как бы ни горели жаждой мщения сердца людей Земли. Затевать ради мести ответный поход, хотя бы и соединив боевую силу нескольких племен, – безумие. Войско потонет в болотах, где плосколицые у себя дома. Это должен понять и Растак, хотя ему будет нелегко отказать от мысли перетопить чужаков в Матери Рек. Вождь останется недоволен...

Что ж, пусть.

– Дедушка! – позвал Юмми. – Ты устал? Давай я подержу Дверь.

Скarr хотел было прикрикнуть – но смолчал. Не стал и сердиться. Что правда, то правда, устал.

Он подвинулся, освобождая место.

– Чувствуешь ее?

– Чувствую.

– Держишь?

– Держу, дедушка.

– Смотри не упусти.

Он присел на валун и, едва сдержав стон мучительного наслаждения, растер онемевшие, как чурки, дряблые предплечья. Старость... Только чародеи да иногда бабки-травницы доживают до таких лет. Нет права уйти сейчас, надо ждать. Надо добиться, чтобы племя назвало преемником Юмми, а не дурака Ер-Нана. Юмми справится. Вон как держит Дверь – легко, уверенно. Не всякий так сумеет. В руках неумелого чародея Дверь становится тяжелой, как валун, скользкой, как жир.

– Деда! А почему соседних миров семь?

Старик хмыкнул.

– А сколько тебе надо? Мир Солнца, где чародеем Ханни, – раз. Мир Рыси – два. Есть еще миры, где в нашей долине живут люди Зубра и Выхухоли, – уже четыре. Мир, где люди ведут род от Большой Рыбы, – пять. Дикий мир – шесть. Там не знают Договора. И, конечно, Запретный мир. Семь. Ты Дверь-то держи!.. Всего тридцать девять миров, каждый из них, кроме окраинных, соприкасается с семью другими. Два мира дикие, два пустые, там жить нельзя, три мертвых мира, Запретный мир...

– Я знаю, дедушка. Но почему семь миров? Не два, не четыре, не шесть? Не сходится. Я уж и рисовала, и из глины лепила...

– Лепил! – рявкнул Скарр. Он с беспокойством покосился на торчащую в отдалении фигуру часового, но тот, похоже, ничего не слышал.

Дрожащий воздух всколыхнулся, но Юмми удалось удержать Дверь.

– Лепил. Рисовал. Он, а не она. Я помню.

– Вот и не забывай, что ты не девка.

Юмми вздохнула. Как все-таки надоело притворяться мальчишкой! А старик вновь с беспокойством подумал о преемнике. Хорошо еще, что чародеи живут на отшибе – в деревне не удалось бы сохранить тайну. Дождаться бы только времени, когда Юмми торжественно, при всем племени отсекут мизинцы на Священном камне и он, Скарр, коснется ее лба, передавая магическую силу. Пусть потом выяснится, что она девушка! Соплеменники пошумят и успокоятся. Говорят, женщины-чародейки бывали и прежде. Правда, давно, много поколений назад – но бывали же! Недовольным останется лишь Ер-Нан... он знает тайну, но по глупости не берет племянницу в расчет. Пока не берет...

Из круга стремительно вышел воин, вскинул руку в небрежном приветствии. За ним выскочил второй, и еще один, и еще... Воины Рыси – опытные и новички, спокойные и нетерпеливые, вооруженные копьями, легкими дротиками, луками, короткими медными мечами, топорами-насадками на гнутых рукоятях, прикрытые щитами с изображениями оскаленной рысьей морды и боевыми рубахами из двойной кожи, – не тратя лишних слов растянулись цепочкой по тропе и сразу перешли на походный бег. Вслед за ними из дрожащего воздуха появился Шанги.

– Доволен, Скарр?

Старик попытался встать – ноги не послушались. Поклонился сидя.

– Добрые духи да не покинут твой народ в трудный час...

– Две трети добычи наши, не забудь. Таков Договор.

– Я помню... Ты останешься посмотреть?

Шанги покачал головой.

– Племя не должно оставаться без чародея и часа. Быть может, потом, когда я стану стар, как ты... Прощай! – он шагнул в круг и исчез.

– Мира и удачи тебе, Шанги.

Кряхтя, Скарр поднялся. Вряд ли Шанги успел услышать слова обязательной вежливости – но неважно. Не вредно повторить их и потом, когда воины Рыси отправятся назад в свой мир. Искренние слова от сердца или ничего не значащая любезность – какая разница? Невесомая добавка к тому, что унесут на плечах чужие воины.

Две трети всей добычи – это очень много, обидно много. И как мало, если подумать, что это – плата за жизнь родного племени.

Все равно воины будут ворчать, подумал старик.

Ну и пусть.

Теперь можно было ни о чем не беспокоиться, хотя бы до завтра. С помощью воинов Рыси люди Земли отбросят врага. Безразлично, куда направится орда с востока – откатится за Мать Рек или обрушится на людей Выдры, заставив ИХ просить помощи. Когда минует опасность, Скарр вновь откроет Дверь, чтобы нагруженные добычей, отяжелевшие от обильного угощения союзники могли уйти к своим.

– Можно мне самой... самому закрыть Дверь, деда? – спросила Юмми.

– Нет. Я сам.

Закрыв Дверь, старик не уронил руки. Он обхватил ими голову, раскачиваясь и мыча. Юмми коснулась его рукава.

– Что-нибудь не так, дедушка? Мне кажется, я что-то почувствовала, когда держала Дверь. Что-то... чужое.

Скарр с шумом выдохнул и обмяк. Молча сел на камень. Пульсировала синяя жилка на виске. Пронизывал ветер – и все же струйка пота чертила извилистый след по дряблой, избороденной морщинами шее.

– Не молчи, дедушка. Ну пожалуйста! Что случилось?

– Я ошибся, Юмми, – глухо сказал старик. – Мне нельзя было так спешить. Я открыл не одну Дверь, а две... Возможно, даже три. Такое иногда случается, очень редко... не уследить прощительно лишь сильному, но неопытному чародею, никак не мне. Я стар, я устал... Вторая Дверь открылась где-то недалеко отсюда, может быть, у людей Лося или Волка. И открылась она в Запретный мир. Мне кажется, кто-то проник оттуда к нам, я это чувствую.

Юмми тихонько ахнула.

– Пойдем, Юмми. – Опираясь на клюку, старик с натугой поднялся на ноги. – Сегодня Дверь больше не понадобится, нечего тут мерзнуть. Что случилось, то случилось, теперь мы должны подумать, что нам делать. И я должен предупредить Растака...

Глава 4

*Милый гость, вдали родного края
Осужден ты чахнуть и завять...
А.К. Толстой*

Упасть с девятого этажа строящегося дома можно всяко: на бетон, на арматуру, на рельс подъемного крана. При некотором везении можно сверзиться просто в сугроб – тогда, может быть, не сразу свезут в морг, а какое-то время подержат в больнице. Витюня никак не ожидал кубарем покатиться по каменистой осыпи. Собственно говоря, он вообще ничего не ожидал, поскольку не успел испугаться. Всякому известно, что для испуга требуется время. Притом желательно провести его не в вольном полете, а в спокойной, вдумчивой обстановке – например, сидя в кресле с банкой пива в руках, вспомнить, как летел, икнуть и поежиться от холода в животе.

Удар был чувствительный, но терпимый. Подняв тучу пыли, увлекая за собой потоки щебня, песка и вырванные по дороге кусты, Витюня докатился до низа осыпи и, подняв фонтан брызг, приводелся в речке.

Вода попала в нос, и без того полный пыли. Витюня чихнул, забулькал и забарахтался. Как ни странно, он был жив. Но странности этим не исчерпывались.

Неширокая быстрая речка, заведомо переоценив свои возможности, старалась утопить, да не на того напала. Нашупав каменистое дно, Витюня косолапо выбрался на берег, подобрал севшую на мель ушанку, отряхнулся и осмотрел себя с неудовольствием. Ссадины – ерунда. Заживут. А вот одежда... Штаны у печки просохнут быстро, не ватные, зато телогрейку придется сушить суток трое. Витюня посопел. Идти в бытовку греться и переодеться в сухое – полбеда, опять же не вредно принять в целях поправки здоровья внеочередной стопарь, – а вот как объяснить Луноходу-Мамыкину необходимость выдачи, пусть на время, новой телогрейки? Он из-за этой-то в свое время едва не удавился, жмот.

Да, а где, собственно, бытовка? И где Луноход? А Агапыч? Где вообще все?

Витюня задрал голову. Ожидаемой стрелы крана наверху не оказалось. Там было просто небо. Голубое. И ощутимо пригревало солнышко.

Да что, блин, происходит? Ну, люди не столбы, могли уйти. А стройка-то где? И почему лето?

Не сомневаясь, что глупое недоразумение вот-вот выяснится, Витюня стащил с ноги валенок, вылил воду и замер в настороженном недоумении.

Сверху, прыгая по осыпи на манер архара, к нему спускался странный человек: нечто среднее между киношным Чингачгуком в исполнении Гойко Митича и типичным идиотом из Нескучного сада – странного места поблизости от родного вуза, где юркие волосатые личности, в большинстве вполне половозрелые, роятся на полянах по четвергам, машут дрекольем, ноют песни под гитарное бряцанье и размножаются, похоже, прямым делением. Во всяком случае, их количество растет ненормальными темпами...

Патлатый. Одет в шкуры, а ноги голые. Юмор, значит, в коротких штанишках. Обут в какую-то фигну. С дрыном в руках. Вместо шапки на голове странного субъекта красовалась оскаленная волчья морда, похожая на чучело из охотничьего магазина.

Витюня ухмыльнулся. Типчик был тот еще. Этот, как его... Калиостр... нет, Калидор. Точно, Шварц его играл. Свой дрын – длинную жердь с острым, явно металлическим наконечником, по разумению Витюни, изображающую копьё, субъект держал наперевес.

На всякий случай Витюня подобрал лом.

Оказавшись в пяти шагах, типчик с дрыном в руках и волчьей харей на макушке скорчил злобную рожу и прорычал:

– Ышари найза хухын ухма здай!

– Сам мастдай, – обиделся Витюня. – Вали отсюда. Э, стой! Чо тут у вас, ролевка?

– Здай кышун ухара! – и типчик кинулся на Витюню.

Шуток Витюня не любил. Поэтому сторонился Шурки Подойникова, бывшего соседа по общаге и завсегдатая Нескучного. Если у Шурки на языке не проблемы каких-то до головной боли непонятных эльфов и орков, то непременно хохмы. Не бить же его, в самом деле, а стоять пнем, глядя, как приятели ухохатываются над его непонятными подколками в адрес Витюни, – тоже удовольствие маленькое. Выручила Светка, сообщив по секрету, что Шурка, победитель многих схваток на мечях, как алюминиевых, так и сработанных из лыж и хоккейных клюшек, с гордостью носящий имя Торин, начинает беситься, когда его именуют Торин Двухзначным, намекая, очевидно, на распространенность этой клички. И Шурка примолк. Нет уж, ну их на фиг, шуточки, без них спокойнее. А такие шуточки – тем более.

Все это Витюня додумал уже потом. Рефлексы оказались быстрее. Он подался вбок, но все же недостаточно быстро, поэтому наконечник дрына-копья, не задев кожу, застрял в телогрейке. Типчик что-то рычал и тянул на себя. Витюня крикнул, воткнул в землю лом, ухватился обеими руками за древко и, без натуги оторвав от земли заигравшегося идиота, несильно приложил его об осыпь. Типчик пискнул. Для пущей гарантии Витюня сел на него верхом. Типчик взвыл.

– Телагу испортил, гад, – задумчиво сказал Витюня, вынув копьё и рассматривая выдраный из бока клочок с торчащим шматком мокрой серой ваты. Теперь Луноход точно разорется.

Да, а где он, Луноход?

Осыпь на склоне горы была решительно незнакома. Гора напротив – тоже. Берег как-то не очень напоминал Нескучный сад. Речка? Нет, точно не Москва-река. И даже не Яуза. Да и как можно, упав на Таганской улице зимой, приземлиться в Нескучном саду летом?..

Дальний пригород? Наверно, очень дальний.

Все равно ничего не понятно.

Витюня осмотрел наконечник копья. Не алюминий, точно. Если только дюраль не скрыт под какой-нибудь гальваникой. Медь или, скорее, сплав. В цветных металлах Витюня был не силен.

Он поискал и нашел за поясом пленника топорик с лезвием из того же материала на ладном, удобном топорике.

– Слышь, Виннету! Ты кто – гном или этот... как их... урка, орка?

Нечленораздельно шипя, пленник сучил ногами, пытаясь выползти из-под Витюни. Это ему не удавалось.

– Ты чо, чувак, псих? Заигрался?

Чуть придушенное, но злобное рычание было ему ответом. Пожав плечами, Витюня стянул с ноги второй валенок и вылил воду на голову упряма.

– Русским языком с тобой разговариваю, блин. Шурку Подойникова не знаешь где найти?

Он тут Торин Двухзначный.

– Ы-ы-ы... – мычал пленник. – Шугай кышун найза...

– Ну и козел, – неуверенно сообщил Витюня. – По-человечески можешь?

– Ы-ы-ы...

– Дебил, – с огорчением определил Витюня. – Олигохрен... или френ? Заигрался, блин, точно. Так ты имей в виду: я не в игре. Ну что, отпустить тебя или как?

Упрямец продолжал дергаться.

– Отпущу, – решил Витюня. – Только вот что... – Не вставая с пленника, он перебрал через речку копьё и топорик. Затем поднялся на ноги. – Вот так. Уж извини. Да, где тут ваш главный? Не проводишь?

Оказавшись на свободе, пленник повел себя странно: быстро-быстро побежал на четвереньках вверх по осыпи. Добравшись до первого дерева на склоне, твякнул что-то невразумительное и исчез в лесу.

«Не проводит», – понял Витюня.

Он выжал телогрейку и расстелил ее на камнях. То же самое сделал со свитером, рубашкой и заскорузлыми перчатками. Один валенок повесил на воткнутый в берег лом, другой положил просто так. Штаны снимать не стал – сами высохнут.

Мысли, как всегда, приходили в голову позже, чем следует. Надо было спросить у психа, где тут автобусная остановка. Или деревня какая-нибудь. Вроде бы Шурка говорил, что ролевика не забирают очень далеко от цивилизации. Или все же забирают?

Витюня еще раз оглядел решительно незнакомый пейзаж. Н-да. Не Подмосковье, пожалуй. Горы. Не чересчур высокие, но все-таки скорее горы, нежели холмы. С лесом. Урал? Карпаты? Эти... как их... увалы какие-нибудь?

Но почему?!!

«Сплю, что ли?» – подумал он, но щипать себя не стал. Ни одной бабы не видно – значит, не сон. Не бывает таких снов.

Какой урод здесь шутки шутит?

Витюня начал сердиться. До правильной медленной злости, какая нужна перед подходом к штанге, было еще далеко, но все-таки...

«А может, я помер?!»

О загробной жизни Витюня имел самые туманные представления. Нет, не похоже. Он ощупал себя. Свежие ссадины были на месте. Побаливал бок – следствие падения на осыпь. Синяк будет.

Значит, жив?

Допустим.

Жив – это уже хорошо. Это главное. Остальное приложится.

Утешившись этой мыслью, Витюня успокоился и уже беззлобно подумал, что неплохо было бы приподнять этого шутника одной рукой, да и потрясти слегка за шкуру... В назидание другим шутникам, буде они объявятся.

Штаны мало-помалу просыхали, валенки и носки тоже. Крупная стрекоза присела отдохнуть на валенок, трепеща слюдяными с прожилками крылышками. Солнце грело ну совершенно по-летнему. Хотя, пожалуй, стояло еще не совсем лето: ольховый куст, нависший над речкой у края осыпи, только-только оделся зеленым майским дымком. Точно так же вели себя лиственницы на том берегу – в породе деревьев сомневаться не приходилось. Уже хорошо, что не кактусы...

Сибирь, что ли?

Может, и Сибирь: где только нет этих... чокнутых с дреколем. А что, если, например, Канада?

На лбу Витюни, обозначая работу мысли, собрались крупные складки. Сразу заболела голова. Леса в Канаде точно есть, не зря же на карте мира эта страна выкрашена зеленым, – а вот горы? Сказать по правде, в Канаду здравомыслящему Витюне не очень-то хотелось. То есть хотелось, но лишь по собственной воле и вдобавок не теперь и не так. Во-первых, хорошо бы знать канадский язык (в существовании такого языка Витюня был убежден), во-вторых, непонятно, как выбираться домой, а в-третьих, аборигены здесь странные, ей-ей.

Витюня попытался вспомнить все, что знал об индейцах, но, вспомнив только «хуг» и «хау, я все сказал», прекратил это занятие как бесплодное. Ну ее совсем, эту Канаду, если и там водятся придурки с дрекольем. Лучше уж по-прежнему считать, что здесь эти... увалы.

С одной стороны, было неясно, кому бить морду за подобные шуточки. К тому же, как большинство тяжеловесов, Витюня не любил драк. С другой стороны, надо было на что-то решиться – не сидеть же здесь сиднем, ожидая неизвестно чего. Может, дорога с автобусным сообщением проходит в каком-нибудь километре отсюда и лишь шум реки мешает ее услышать?

Поразмыслив, Витюня решил для начала подняться на возвышенность и осмотреть окрестности. Толстые шерстяные носки, конечно, еще не просохли, не говоря уже о валенках и телогрейке, но он решил не обращать внимания на подобные мелочи. Правда, ноги чувствовали себя не слишком уютно, а мокрая телогрейка с выданным клоком висела на плечах, как верига. Ушанку пришлось нести в руке, свободной от лома.

Обойдя осыпь, Витюня нашел более удобный подъем и минут через десять уже стоял на вершине горушки, обозревая окружающую местность в просветы между стволами сосен. Изумленному взору открылась панорама решительно безлюдная. Поросшие лесом горы и холмы без каких-либо признаков человеческого жилья, куда ни кинь взгляд, – это, в сущности, еще полбеды. Гораздо хуже, что Витюня, никогда не жаловавшийся на слабое зрение, сколько ни вглядывался, нигде не сумел различить ни одной дороги, ни одной мачты ЛЭП, не говоря уже о какой-нибудь заметной за десятки километров коптящей трубе! И воздух – воздух здесь был упоительный, кристальной свежести, черт бы ее побрал. А люди? Люди-то где?.. Нет, один встретился, но и тот был ненормальный...

Ненормальный или нет – люди здесь есть. А коли так, надо их найти.

Спустившись, Витюня двинулся берегом реки вниз по течению. Мысль работала так, как ей не приходилось работать и на зачете у доцента Колобанова. Временами Витюня зачерпывал горстью воду, студил лоб и укреплялся в принятом решении. Разумеется, это была правильная идея – пойти вдоль реки. Где реки, там и мосты, а где мосты, там дороги. Шоссейные или железные – все равно. А где дороги, там... Некоторое время Витюня не мог сформулировать продолжение логической прямой. Да... Где дороги – там транспорт. И еще эти... населенные пункты. А где есть населенные пункты, там, может быть, удастся получить ответ на вопрос: как его сюда занесло?

Довязав до конца логическую цепочку и просветлев лицом, Витюня принялся насвистывать, на ходу отгибая ломом ветки ольховника, норовящие хлестнуть по лицу. В зарослях повесенному оголтело свистели птицы неизвестных Витюне пород, предположительно соловьи. Путь, признаться, был довольно-таки неудобен: приходилось то ломиться сквозь чащобы, то карабкаться по прибрежным кручам, то перепрыгивать через ручьи, а иные притоки переходить вброд, всякий раз разуваясь и закатывая штаны. Затем горушки по берегам стали пониже, лес на них погуще, а вдоль берега пошла удобная песчано-галечная полоса. На ней-то Витюня остановился, озадаченный, и почесал ломом за ухом.

Не более чем шагах в ста впереди, на весело шумящем галечном перекате, посередине реки стоял по брюхо в воде здоровенный бурый медведь и, как видно, выжидал неосторожную рыбу.

Бред...

На всякий случай Витюня попятился. Остро захотелось ущипнуть себя, но уже и без щипков стало ясно, что это не сон и не наваждение, а натуральный хищник. И когда зверь вдруг посмотрел в сторону Витюни, помотал башкой и рывкнул, на миг заглушив шум переката, Витюня начал отступать, держа лом наперевес, как копье, и жалея, что торец примитивного орудия не заточен до копейной остроты. Ладно... Кинется – получит по лбу. Можно ли убить медведя ударом лома по черепу? Витюня не знал.

Медведь не напал. Витюня влез спиной в ольховник и затрещал кустами, проламываясь наугад. Мысли тяжеломерно прыгали, и отдавалось в голове. Это как же, а? Безлюдье... Буйный псих с копьем и медным топором... Выданный наконецником копыа клочок ваты... Теперь медведь...

«Антракт, негодяи!» – загремели полузабытые слова из книги, которую Витюня читал когда-то давно, а может быть, и не читал вовсе. Но именно эти слова кто-то отчаянно крикнул внутри его. И совершенно напрасно: никакого антракта не последовало, а бредовая явь по-прежнему не выказывала никакого желания обернуться сном или галлюцинацией.

– Да что ж это? – недоуменно пробубнил Витюня, не замечая стремительной модификации своего природного баса в ломкий обиженный тенор. – Это что, все вот это – всерьез?!

Глава 5

Кому чару пуги?

Кому вытравати?

А.К. Толстой.

Помощь пришла вовремя, именно в тот шаткий, страшный, как нависший над головою качающийся валун, момент, когда почти истративший запас стрел, отесненный к самой вершине, истребленный наполовину отряд защитников Полуденной горы – воинов, подростков, женщин – дрогнул под градом летящих из пращей булыжников, когда сердце каждого сжалось в ледяной комок и меньшинство готовилось принять на вершине последний безнадежный бой, большинству же оставались мгновения, чтобы окончательно и бесповоротно пасть духом и обратиться в бегство, открывая врагу путь в долину. Есть предел человеческих сил, и предел этот был достигнут сейчас, когда сбоку в плосколициях ударила дружная стая стрел и сотня воинов Рыси скатилась нападающим во фланг. Страшный и мерзкий для уха людей Земли боевой клич покровительницы рода Рыси, вылетевший разом из сотни глоток, заглушил все. И немедленно, отбросив в сторону мешающие луки, отряд союзников стремительно атаковал плосколициях, прежде чем те успели развернуть линию пращников против нового противника.

Нет ничего проще, чем превратить трусов в храбрецов, а испытанных смельчаков, напротив, сделать малодушными. Для этого надо только выбрать тот, чаще всего единственный, миг в битве, когда медная стрелка весов дрожит, не в силах склониться в сторону той или другой чаши, и легкая, невесомая пушинка решает, какой чаше опуститься, а какой взлететь вверх.

Промедли союзники несколько лишних мгновений – и враг, численно превосходящий атакующих во много раз, успел бы, опомнившись, встретить атаку градом камней и слитным ударом воющей толпы, способной, не считаясь с потерями, задавить любой отряд просто своей численностью. Но молниеносная атака разом опрокинула фланг, и вооруженная, не знающая строя, но грозная толпа врагов в одно мгновение потеряла монолитность и боевой порыв. Под удар копий с наконечниками из твердой кованой меди, насквозь пробивающими легкие щиты незваных пришлецов, попали лишь немногие не поддавшиеся общей панике – остальные, не слушая криков вождей, уже бежали прочь с горы, несомненно, проклятой демонами болота, уже почти взятой штурмом, но оказавшейся неприступной.

И тот из защитников Полуденной – одиннадцати уцелевших воинов, четырех подростков и семи женщин, – кто только что терял последнюю надежду удержать гребень и готовился к постыдному бегству, теперь оскорбился бы напоминанием об охватившей его минуту назад слабости. Никто не скомандовал ударить на врага сверху вниз, и не нужна была никакая команда, чтобы сердце каждого возжелало того, ради чего затеваются битвы, – острейшего наслаждения убивать и убивать бегущих врагов. В затылки, в спины!.. Вслед неуправляемому человеческому стаду плосколициях катилась с горы жиденькая цепочка людей Земли, грозная в этот миг, как горный обвал, а чуть ниже и левее с жутким боевым кличем преследовали бегущих воины Рыси, нагоняли и били, били, били...

С разгону выскочили на равнину, готовые гнать и гнать врага, и гнали бы до тех пор, пока враг не опомнился, но умудренный Хуккан, поставленный Растаком командовать оборонявшим Полуденную отрядом, опомнившись первым, заорал, требуя повиновения, и хоть и не сразу, но остановил становящееся опасным преследование. То же сделал вожак союзного отряда, кажется, не потерявшего во время первой сшибки, которую и боем-то назвать было трудно, ни одного воина. Не оказалось и серьезно раненных, а двое порезанных костяным оружием и один подвернувшийся на спуске ногу – не потери.

Кое-как объяснились, не тратя лишнего времени на приветствия, мешая слова языков двух племен. Суор, младший вождь союзного племени, занимающего в мире Рыси точно такую же долину, понял замысел Хуккана с полуслова и теперь с неудовольствием оглядывал своих людей. И надо было бы дать вслед убегающим врагам залп-другой, да большинство воинов бросили луки еще наверху, а иные чересчур ретивые побросали и щиты. И нет времени возвращаться, подбирать. Вот и пусть теперь идут под камни пращников, лезут на костяные гарпуны без щитов, дуры головы!

Яростный бой, кипевший на залитом кровью, заваленном телами своих и чужих каменном валу у входа в ущелье, превратился в истребление плосколицых, едва отряд Суора ударил им в тыл. Стремительная атака разом сбила нападавших в обезумевшее стадо, вот только бежать этому стаду было некуда... Охватив врага полукольцом, люди Рыси работали размеренно, как косцы. Лишь малая часть врагов сумела выскользнуть из захлопывающейся ловушки и что было мочи драла врассыпную к спасительному лесу. В спины бегущим летели стрелы; быстро покончив с окруженными, тяжело топоча, утирая на бегу пот, воины племен Земли и Рыси, перемешавшиеся в горячке боя до того, что уже трудно было понять, кто где, гнали плосколицых с единственной мыслью – не дать уйти. Второй раз в течение какого-нибудь получаса повторялась сладость преследования бегущего без памяти врага и безнаказанного убийства, возвращения сторицей принесенного чужаками горя.

Из леса при приближении победителей вышел новый отряд пращников, и неслабо шуршащий полет стаи камней – грозное слитное гудение – наполнило воздух. Кто подогладивей, закрылись на бегу щитами – и вовремя. Не привычные камни, а округлые куски свинца ударили по нападавшим. Сразу упало несколько воинов, кто-то с криком боли и гнева, кто-то без всякого крика.

Покрытый своей и чужой кровью, Растак, забывший в азарте погони о месте вождя во время боя, позволивший ярости бойца взять верх над осторожностью предводителя, глухо зарычал – гудящий шарик ударил его в плечо. Но кто знал, что вожди плосколицых с самого начала допускали мысль о неудаче штурма и приготовили сюрприз?

Совсем рядом, коротко чавкнув, разлетелся чей-то череп.

Свинец! Драгоценный металл, малая добавка которого делает медь твердой, как камень, металл, не встречающийся в землях ближних соседей, редко и понемногу привозимый на мену из краев столь далеких, что правду о них невозможно отличить от вымысла, – этот металл жужжал смертоносными шариками, вдесятеро более убийственными, чем простые камни, и падали, падали люди...

Пожалуй, цепочке пращников, безумно щедро тратящих драгоценный припас, все же не удалось бы сдержать порыв атакующих, если бы вожди пришлых чужаков не бросили в бой еще один, по-видимому, последний резерв. Из-за чахлого леска, неведомо как произросшего на голом камне у подножья Плешивой, галопом вынесся верховой отряд.

Такого среди людей Земли не видел никто, да и воины Рыси смешались в первый момент. Каждому, кто не глух, доводилось слышать рассказы о том, что племена одного языка и близких с людьми Земли обычаев, живущие на равнине на юг и закат от пояса гор, умеют приручать диких тарпанов. Немногие со слов старых охотников, забиравшихся в давние времена далеко на восход, за саму Мать Рек, знали, что плосколицые умеют не только запрягать в сани своих ручных низкорослых оленей, но и ездить на них верхом. Низкорослые на низкорослых, они даже не казались смешными привиравшим очевидцам. Но чтобы олени всадники вступили в бой и вдобавок атаквали целым отрядом?!

Однако глаза не лгали. Беспощадно нахлестываемые олени, мыча от боли, роняя слюну с отвисших губ, несли на себе всадников, вооруженных длинными пиками с привычными плосколицым костяными наконечниками. Можно было только радоваться тому, что олени по весне лишены главного украшения головы, иначе нетрудно представить, какие смертоносные лезвия

были бы прикручены к раскоряченным тупым рогам! Но эти мысли пришли в голову Растаку гораздо позже...

Немногие бойцы, сохранившие луки, пустили несколько стрел навстречу накатывающейся оленьей лаве, остальные встретили врага редкой, с прорехами, стеной щитов и наставленными копьями. Короткая свалка окончилась вничью – плосколицые всадники, потеряв убитыми немногих, развернули оленей вспять, а Растак, баюкающий левой рукой недействующую правую, приказал всем отходить к ущелью. Обстрел сразу прекратился – враг тратил свинец не для убийства чужих, а для спасения своих.

Отбились... Но не было ни ликования, ни ощущения победы, хотя разве только самому глупому еще не стало ясно, что враг больше не сунется на штурм. Слишком тяжкие потери понесли чужаки; теперь орде не оставалось ничего лучшего, как отступить и либо повторить попытку прорыва на закат в другом месте – например, через земли племени Выдры, либо отказаться от нее совсем.

Но ждали другого... Пусть на одного павшего защитника ущелья, будь то мужчина, женщина или подросток, полегло не менее пяти врагов, пусть враг отброшен навсегда – но месть не свершилась. Не удалось полностью истребить мужчин, пленить женщин, завладеть имуществом пришлого племени, а значит, не было окончательной победы, не было радости в душе вождя. Попробуй добить врага в открытом поле, если, понеся за два дня сражения немыслимые потери, он еще и сейчас численно сильнее! И отбиться-то удалось только благодаря Договору, вызвавшему на подмогу людей Рыси...

Плечо, ощутившее в бою лишь удар свинцового шарика, но не боль, теперь сводило острой мукой при малейшем движении правой рукой. Заскорузлую от крови кожаную рубаху вождя пришлось срезать с тела. Бабки-лекарки примотали руку к телу, чтобы вождь нечаянным движением не потревожил перебитую ключицу. На многочисленные кровоточащие ранки, оставленные костяным оружием, на страшные багровые синяки наложили кашицу из ивовой коры и бережно примотали лыком. Младшая жена накинула на плечи мужу богатый, с меховой опушкой плащ – не дело вождю сидеть у всех на виду полуголым и зябко дрожать от потери крови.

Рядом, бессвязно бормоча, умирал мальчишка с пробитым черепом, так и не выпустивший из синеющих рук отнятого у врага костяного гарпуна, и, сглатывая слезы, гладила его по лицу молодая, еще пригожая мать, моля богов о чуде... Со стороны плосколицых безостановочно бил бубен и, наполняя сердца воинов Земли злобной радостью, доносился слитный бабий вой по множеству убитых. Тела покойников, разбросанные по полю вдалеке от вала, врагу удалось утащить к лесу, куда не долетали стрелы добровольно оставшихся в охране лучников, – но таких трупов было немного. Основная масса чужаков погибла на валу и перед валом. Чужих мертвецов споро раздевали, кидая кухлянки в одну большую кучу, оружие в другую, поменьше, и украшения – в третью, совсем маленькую. Своих убитых, погибших на валу и за валом, сложили отдельно, ибо не годится бросать тела соплеменников как попало. Очень скоро Мать-Земля примет своих детей; примет она как жертву и трупы врагов, кроме тех, что будут отданы духам воды и огня за благорасположение к племени. Ни одно тело своих не досталось врагу – как тому и должно быть. А если враг попытается договориться о выдаче за выкуп своих мертвецов – посыльных встретят стрелами!

Совершенно ополоумевшие собаки лизали подсыхающую кровь, щедро полившую вал; их гнали палками. Земля разберется, где чья кровь, когда первый дождь смоет с вала подсыхшую корку. Мать-покровительница племени не обидится на своих детей за то, что их кровь, пролившись на камни, смешалась с чужой кровью.

Мучения тяжело раненных врагов немедленно оборвались на Священном камне, омываемом быстрым ручьем. Мать-Земля не кровожадна, ей не понравилась бы здоровая и полная сил человеческая жертва, но эти, которые все равно умрут не сегодня, так завтра, – иное дело. Духи

камня тоже останутся довольны. Старый чародей Скарр, наконец-то не без помощи своего сопливого правнука притащившийся с Двуглавой, всадил особый, жертвенный нож из темной меди в сердце первому обреченному, еще дышащему, но уже бесчувственному воину с распоротым животом. Вслед за тем руки старого чародея затряслись, ноги ослабли, и он передал нож Ер-Нану. Тот довершил начатое, доведя счет жертв до пяти. Двоих захваченных легко раненных плосколицых воины Рыси выторговали себе в рабы в счет причитающейся доли добычи и тем спасли им жизнь, хоть кое-кто из людей Земли скрипел зубами, полагая справедливым немедля казнить пленных. Лишь много позднее Растак пожалел, что отдал обоих – одного надо было сохранить и под пыткой выведать у него ближайшие планы врага, ибо кое-кому из старых охотников не в диковинку язык плосколицых. Но как удержать своих воинов, да и себя тоже, от немедленной расправы, когда гнев не только еще не остыл, но вскипает все сильнее при виде мертвых тел соплеменников, а руки сами тянутся к оружию!

Стараясь не выдать лицом телесной боли, Растак приказал сосчитать убитых и закаменел, услышав счет. Только на валу погибли смертью семь десятков людей Земли и еще три человека, считая с теми, кто не доживет до завтрашнего восхода, и не считая павших союзников и рабов, которые, так и быть, получают обещанную свободу. Пал зять, муж родной сестры. Погибли трое плавильщиков, которых все-таки пришлось бросить в бой под угрозой прорыва вала! Да во время преследования врага были убиты шестеро, да шестнадцать человек пали на Полуденной; всего девять с половиной десятков, из них больше половины – воины. Из уцелевших почитай каждый второй серьезно ранен, и некоторые из них умрут завтра или через несколько дней, а остальным понадобится много времени, чтобы оправиться. Бабки-знахарки и перевяжут, и напоят раненых бойцов настоем только им известных горьких трав, и с наговором повесят каждому на шею ладанку с тайными предметами, знать о которых не полагается, иначе себе же навредишь. Знахарки сами сделают, как надо, понукать их не требуется. Все равно выходят не всех...

Мелкие же раны получили почти все, включая младшего чародея Ер-Нана, чьи мольбы Земля оставила безответными. Правда, совсем не понес потерь заслон на Плешивой горе, но десять воинов – это лишь капля... Выходит, случись завтра воевать с соседями, он, Растак, сможет выставить лишь сорок-пятьдесят воинов?! Теперь на долгие годы нечего и думать о завоеваниях, удержать бы границы... Мать-Земля, к тебе обращаюсь я, помоги детям своим! Отведи от соседей соблазн, помоги быстрее поправиться раненым, вдохни мужество в уцелевших!

Суор, все еще возбужденный и не хохочущий во все горло только из уважения к горю союзников, счел момент подходящим для разговора.

– Привет тебе, вождь!

– Привет и тебе, Суор, – ответил Растак, приподнимаясь навстречу союзнику и пытаясь не выдать страданий болезненной гримасой. – Ты подоспел вовремя. Я знаю: люди Рыси – добрые друзья, они не оставляют без помощи тех, кто в ней нуждается.

– Мы чтим Договор. – Голос Суора был серьезен, но в глазах вдруг мелькнули веселые искорки. – Я надеюсь, что ты, вождь, не станешь просить меня о полном уничтожении ваших врагов? Вряд ли это возможно...

Растак покачал головой.

– Я не стану просить тебя об этом, Суор... хотя видит Земля, как мне хотелось бы этого. Но мое племя спасено и даже не потеряло ни пяди земли. Договор вами выполнен, и я благодарю за помощь тебя и твоих храбрых воинов. Я прошу вас лишь дожидаться, пока плосколицые не уберутся прочь в свои болота. Я знаю, что прошу больше, чем требует Договор, но все-таки я прошу тебя.

На этот раз Суор все-таки усмехнулся.

– Об этом можно договориться. Особенно за хорошую цену.

– Разве тебе и твоим воинам мало двух третей всей добычи? – Растак был готов к такому повороту, но постарался изобразить удивление. Мать-Земля, как же болит плечо!.. – А вечером мы устроим праздник в вашу честь и выставим на столы лучшее из наших запасов. Твои воины останутся довольны.

Суор улыбнулся широкой улыбкой.

– Ты не хуже меня знаешь Договор, Растак. То, что ты предлагаешь, ты и так обязан нам дать в обмен на спасение твоего народа... Ты ведь не станешь утверждать, будто вы обошлись бы и без нас? – Он замолчал вопросительно, и в ответ Растак покачал головой. – Вот и хорошо. Я всегда знал, что ты не только смел, но и умен. Итак, ты отдашь нам всю добычу, всю до последнего лоскутка, а мы за это будем сторожить твое ущелье до тех пор, пока враг не уберется восвояси. Что скажешь?

Растак с большим искусством подавил вспышку гнева, едва не вырвавшегося наружу. Пусть Суор отнесет невольную судорогу лицевых мышц на счет боли в разбитом плече. Голос вождя остался ровен, и лишь опытное ухо уловило бы в нем затаенную насмешку.

– Я не могу совсем лишиться моих людей добычи, и ты, храбрый младший вождь, должен понимать это, если когда-нибудь собираешься управлять всем племенем. Две трети всей добычи – хорошая цена. Разве Договор требует, чтобы мы отдали все?

– Договор этого не требует, – признал Суор, искоса поглядывая на собеседника. Веселость с него как рукой сняло. – Но Договор не требует от нас ни добивать побежденного врага, ни караулить ущелье, пока остатки врага не уйдут. Мы помогли вам отбиться, а значит, выполнили Договор. Теперь, если одна треть добычи для тебя важнее судьбы твоего племени, мы уйдем еще до заката, забрав свою долю. Я сказал свое слово, вождь! – Суор поднял руку в прощальном приветствии, однако не двинулся с места. – А если побитый враг настолько осмелеет, что снова попытается войти в долину – что ж, ты волен вновь попросить помощи, а мы обязаны ее оказать, Договор есть Договор.

Уже не пряча усмешку, больше похожую на болезненную гримасу, Растак спросил:

– В скольких мирах ТВОЕ племя может попросить помощи, Суор?

– Это тайна! – Суор дернулся.

– Не такая уж и тайна, мой храбрый союзник, – возразил, усмехаясь, Растак. – Ваш мир – крайний, не правда ли? У вас в соседях не семь миров, как у нас, а только пять. То есть, возможно, их и семь, но ваши чародеи до сих пор не нашли лазеек в два мира. Пожалуй, оно и к лучшему, что не нашли: там ведь не знают Договора... Кроме того, есть Дикий мир, граничащий и с вами, и с нами. Он тоже бесполезен. Выходит, что храброе племя Рыси при случае может попросить помощи только в четырех мирах. Но я слышал, что в мир Солнца пришел мор, и никто не знает, уцелеет ли там кто-нибудь... Если не веришь, давай позовем Скарра и расспросим его. Значит, остаются лишь три мира, и один из них – наш. Ты знаешь, что мое племя всегда придет на помощь, если с твоим народом случится беда, пусть даже наша помощь еще несколько лет не сможет быть достаточно большой, ибо мы потеряли слишком многих... – Растак болезненно дернул щекой. – Что ж, Договор и вправду позволяет тебе увести своих воинов хоть сейчас, а с Договором не спорят. Но представь себе, что будет, если плосколицыцы сумеют разведать, сколько нас осталось, и поутру, а то и ночью, войдут в долину с трех сторон и перебьют всех? Вряд ли обещанная тобой помощь подоспеет вовремя, и отбить долину уже не удастся – плосколицы слишком много. Они ничего не слышали о Договоре. Так что же останется твоему народу, Суор? Только два мира, откуда можно ждать помощи в случае большой беды? А может быть, даже один?

– Дети Рыси достаточно сильны, чтобы ни у кого не просить помощи! – запальчиво возразил Суор. – Пока что мы помогаем другим, а не наоборот! Враги дрожат, слыша наш боевой клич! Так будет и впредь!

– Как знать, – тихо сказал Растак. – От имени людей Земли я желаю могущества твоему народу, но подумай: разве счастье не переменчиво? Посмотри, что случилось с нами. Разве не то же самое ждет и вас, когда на вашу землю придет враг стократ сильнейший?

Суор открыл рот, чтобы возразить, а может быть, и произнести в ответ что-нибудь насмешливое, но не произнес. Зато диким воем взвыла мать над мальчишкой с пробитой головой, который только что перестал бормотать и затих. Растак покривил губы, страдая от боли.

– Хорошо, – кивнул Суор, уступая. – Мы друзья. Половина моего отряда уйдет сегодня вечером, вторая половина останется до завтра, чтобы сильные не убили слабых... Этого достаточно?

– Да, – кивнул Растак. – Спасибо. Я прикажу, чтобы две трети добычи немедленно отобрали для вас. Лучшие две трети.

Суор с ироническим прищуром оглядел три кучи – окровавленной одежды, оружия и украшений.

– Это оставь своим, вождь, а нам отдай весь свинец. Мы не будем в обиде.

Такого поворота Растак и ждал. Без сомнения, весь предыдущий разговор Суор вел лишь для того, чтобы заморочить вождю голову перед настоящей торговлей. Он неглуп, этот Суор, ну да и мы не простаки... Но как же ноет плечо!..

Спешно отступая, унося убитых, помогая отходить раненым, воины Земли все же сумели подобрать немало увесистых свинцовых шариков, выпущенных плосколицыми пращниками. Рискуя головой, шарили в жесткой траве, тресали кустарником, куда вроде бы откатился смертоносный гостинец, и найдя, радовались как дети. Такое богатство! Даже сияющее золото, земное подобие солнца, не столь ценно, ибо идет лишь на украшения, а будучи сплавлено с медью, не увеличивает ее твердости. Тусклый и вовсе некрасивый свинец – иное дело. Лишь легкое и безмерно редкое серебристое олово ценится еще дороже и, смешавшись с красной медью, позволяет выплавлять столь же твердое оружие. Только у вождя да еще у самых бывалых воинов мечи, топоры и наконечники копий выкованы из лучшей меди, у всех прочих – из обыкновенной.

– Возьми сам все это, – здоровой рукой Растак обвел добычу, – а свинец оставь нам.

– Ты знаешь Договор... – Суор прикусил губу.

– Знаю и потому сказал не всерьез. Вот лежит добыча, взятая на телах, а вот – свинец. Прикажи своим воинам ссыпать подобранное сюда же, и мы поделим все так, как велит Договор.

– Воины Рыси привыкли подбирать добычу после битвы, а не во время ее, – высокомерно ответил Суор. – Оттого-то мы не знаем поражений...

Растак сам видел, как во время отступления люди Суора нагибались и поднимали, а потом, конечно, попрятали тусклые комочки металла, но сделать он сейчас ничего не мог. Не прикажешь же обыскать союзников, которые вдобавок многочисленнее! Нет, придется смириться: что попрятано, то пропало. И из того свинца, что подобран своими, придется отдать Суору ровно две трети, как это ни обидно. Да еще, никуда не денешься, придется поделиться с людьми Вепря за их «щедрую» помощь пятнадцатью бойцами... Хорошо еще, что свинца в сплав идет совсем немного, куда меньше, чем меди. Драгоценного металла, оставленного алчными союзниками, возможно, хватит на сорок-пятьдесят особо твердых мечей... А может, и не хватит. То, что не удалось в спешке отступления подобрать за валом, без всякого сомнения, подберут плосколицы – свинец и ими ценится. Даже Суор не предлагает пойти поискать там потом, после ухода чужой орды...

Спору нет, помощь союзников сегодня спасла племя. Но сами-то они после боя недосчитались всего лишь одного своего воина! Одного!..

– Хорошо, – сухо сказал Растак. – Будем делить то, что лежит здесь. Как велит Договор.

Глава 6

*Клянись, ни львы, ни тигры,
ни медведи
Столь не страшны!*

А.К. Толстой

Кажется, дело сделано. Помощь не опоздала, люди из смежного мира подтвердили верность Договору, враг отогнан, племя живо и будет жить. Так отчего же нехорошо на душе? Оттого, что женщины воют в голос над убитыми? Да, но в какой битве удавалось одолеть сильнейшего числом врага без потерь? О таких чудесах не знали и древние, забытые ныне старики, чьи рассказы Скарр слышал еще мальчишкой, незапомненно давно. Наоборот, прежде, задолго до рождения тех стариков, не раз случалось, что от племени оставалась лишь горстка людей. Воят бабы над убитыми, но не от воя по погибшим тяжело на сердце, совсем не от воя...

Трясучий озноб колотил старое высохшее тело. Не окончив жертвоприношения, Скарр уковылял в свою землянку на отшибе – видит Земля, как трудно дался ему этот путь! Если бы не Юмми, пожалуй, и не дошел бы. А дойдя – свалился на постель из вытертых волчьих шкур, но не уснул, а заметался в полубреду-полуяви, казня и кляня себя.

Так топорно открыть Дверь!..

Он слишком спешил и слишком устал от подъема на Двуглавую, чтобы быть осторожным, как и подобает чародею, открывающему проход в смежный мир. Он стал слишком стар и невнимателен. Грубо схватил едва нащупанную Дверь, рванул со всей силы... такая работа Ер-Нану впору! И вот итог: открылась не одна Дверь, а две или даже три. Мало того, ненужные Двери открылись не куда-нибудь, а в Запретный мир!

Само по себе это было еще не так страшно – у молодых, неопытных чародеев ошибки случаются сплошь и рядом. Хвала богам, Дверей между мирами немало, но большинство из них недоступны – либо блуждают столь высоко, что залететь в них, когда они открыты, может разве что случайная птица, либо, наоборот, находятся под землей. Не раз бывало, что из открытой неумехой Двери с грохотом валились камни, шуршащей лавиной сыпался песок, лилась соленая вода, текла глинистая жижа... Иное дело человек. На памяти Скарра таких случаев не было, лишь смутные предания далекой старины, больше похожие на сказки, рассказывали о незаконных чужаках из иных миров. Но только не из Запретного мира!

Один или двое?.. Скарр пытался вспомнить свои ощущения. Пожалуй, все-таки двое... Он открыл самое меньшее три Двери вместо одной. Кажется, одна из них соединила Запретный мир с землями племени Волка... а вторая? Где она открылась? В землях людей Медведя, Лося, Соболя? У крысохвостых?

Не уследил...

– Юмми! – позвал старик.

Правнучка, нет, все-таки правнук... сколько раз давал себе слово даже в мыслях не называть ее девчонкой, – метнулась к стонущему старику.

– Деда? Ты только скажи, я все сделаю... Ты болен, да?

– Иди к вождю, – тихо, отдельно произнес Скарр. – Скажи ему, что старый чародей хочет его видеть. Пусть поспешит, это важно.

Медвежья шкура, закрывающая вход в землянку, колыхнулась – Юмми выскользнула наружу. Вернулась она даже быстрее, чем предполагал старик.

– Он не придет, – в голосе Юмми прозвучала вина. – Прости, деда... Он сказал, что слишком занят и что ты должен прийти к нему сам, если у тебя есть что сказать. А когда я

попросила... попросил еще раз, он прогнал меня. Он ведь ранен, и ему больно, деда, ты не думай, он плохого не хотел...

Ох-хо... Слова вождя больно царапнули сердце, и в ответ ожила, заворочалась под левой лопаткой старая, уже почти забытая тупая игла. А впрочем, разве Растак не прав? Не он навредил сегодня всему миру, а ты, с тебя ведь спрос, вот ты и иди...

Цепляясь узловатыми пальцами за стену землянки, Скарр сел, нашарил гнутую клюку из зуба древнего зверя и, опираясь на нее да еще на плечо Юмми, с усилием поднялся на ноги. Невидимый медный молот гулко ударил в висок, в глазах потемнело. Ничего, сейчас пройдет... Надо идти... надо...

Узкий мостик из пары отесанных поперху бревен вывел на тот берег, где ниже по течению ручья лежала деревня. Давно было заведено, чтобы чародеи жили на отшибе. Они, конечно, люди нужные, незаменимые – но хочешь не хочешь, а побаиваются их сородичи. Нет хуже приметы, чем встретиться с колдуном нос к носу, оттого и жить им лучше отдельно, однако и не слишком далеко от деревни. Чародей всегда может понадобиться.

Но сейчас людям было не до чародея с учеником-мальчишкой. На площади всхлипывающие бабы варили в громадных котлах над жаркими кострами особую похлебку для угощения союзников, резали жареное, копченое и варенное с черемшой мясо и жирные лососевые спинки, тащили откуда-то целые связки битой птицы, а вон и горшки с хмельным медом дожидаются, когда их откупорят. Все-таки праздник... Многие из этих баб стояли сегодня на валу, ничем не хуже мужчин показав себя в битве, а все опять им: и позаботиться о раненых, и наскоро оплакать мертвых, и, едва успев смыть с себя чужую кровь, готовить союзникам угощение, как велит Договор... Павшие еще не погребены – а праздник есть праздник, ничего не попишешь. Мужчины тоже заняты – стоят толпой между деревней и валом, смотрят, как Растак и Суор с присными делят взятое в бою добро, ворчат недовольно. Дело важное, до чародея ли тут? Это потом люди вспомнят, кому обязаны жизнью, и почти каждый подумает, что в половине смертей виноват Скарр – мог бы вызвать подмогу и пораньше, не дожидаясь крайности, даром что в Договоре сказано иное. Жизнь проходит, а люди не меняются... нет, не меняются.

У последней землянки попался навстречу Ер-Нан, уже подвыпивший и, как видно, спешащий на площадь добавить. Был он гол по пояс, на волосатой груди запеклась кровь – скользящий удар костяного лезвия рассек кожу вместе с рубахой, теперь где-то брошенной. По гордому виду внука сразу можно было сказать, что и сам он дрался геройски, и лучникам помогал точнее бить в цель при помощи заклинаний, и кровь пролил, и вообще достоин всяческой хвалы и почестей. Вон и жертвоприношение довел до конца, не в пример деду, у которого ноги подкашиваются. Велик ли труд колоть пленных? – а грудь колесом, царапина напоказ. Вырастет же такая орясина у умных родителей...

Уважительно, но с видом превосходства поклонившись деду, Ер-Нан не удостоил племянницу вниманием и устремился дальше, на площадь. Скарр отвернулся. Тупая игла под лопаткой заворочалась сильнее.

Нет права болеть... Нет права поддаться слабости, перестать цепляться за жизнь, умереть. Нет такого права и не будет еще несколько лет, пока Юмми не займет его, Скарра, место. Кичливый дуrolом Ер-Нан, не сомневающийся в том, что именно ему вскоре предстоит занять место старого чародея, способен погубить дуристостью все племя. Он внук, родная кровь, но все же жаль, что он сегодня вышел из битвы невредимым, да простит Земля старику скверную мысль. Погибни он на валу с честью, как воин, – насколько стало бы проще! Тогда вопрос о преемнике отпал бы сам собою и не было бы нужды рядить правнучку в правнука... хорошо, что чародеи живут отдельно и Юмми не мельтешит каждодневно перед глазами сородичей! В деревне ничего не укроешь от посторонних глаз.

Ох-хо... Суелливы старческие мысли, дальше застит ближнее. Сперва нужно исправить сегодняшнюю ошибку, и чем скорее, тем лучше. Только бы не слишком поздно...

Дождаясь, когда Растак с Суором и вожаком малого отряда людей Вепря кончат дележ, Скарр присел на сланцевую плиту, неслышно постанывал. Стоять нет сил, а камень холодит, хоть и показалось вначале, будто прогрелся за день. Не то еще солнышко бродит по небу, не летнее. Исход весны лишь притворяется летом, а как наступит ночь, промерзнешь до костей без очага и теплой одежды. А не последняя ли это весна в затянувшейся жизни?.. Мать-Земля, дай еще силы, не торопи, сейчас не время!

Конечно, дележом остались недовольны все, и свои, и чужие, – но пошумели немного и успокоились под сверлящими взглядами вождей. Как-никак союзники. Кое-кто уже потянулся в деревню на вкусный запах. Распорядившись, кому и в какую очередь дежурить на валу, кому караулить подъем на Полуденную, а кому таскать в деревню изрядно поуменьшившиеся трофеи, вождь только теперь заметил старого чародея.

– Пришел? Какое еще важное дело?

– Только для твоих ушей, вождь, – Скарр кивнул на Юмми, – и еще для него. Он знает.

Растак сделал воинам знак здоровой рукой – отойдите, мол. Присаживаясь рядом на сланцевую плиту, чуть заметно вздрогнул – видимо, побеспокоил плечо.

– Ну?

Слушая краткий рассказ, он морщил лоб в недоумении. Потом спросил:

– Это все?

– Да. Я ошибся.

– Но хотя бы закрыл потом все Двери?

– Конечно. – Еще вчера такой вопрос показался бы старому чародею оскорбительным.

Но сегодня – не вчера.

– Тогда помалкивай об этом, только и всего.

Скарр вздохнул:

– Не могу. Не нам нарушать Договор. Предки не простят. Не простят и соседи. Здесь люди Вепря, они знают, что это я открывал Дверь, а от них узнают другие. Вина на мне, значит, и на всем племени. Если те, кто пришел к нам из Запретного мира, натворят бед, жди новой войны, вождь. Ты готов к ней?

Растак оскалил в усмешке крепкие желтые зубы.

– Войны не будет, старик. Воинов Вепря осталось всего девять, из них трое тяжело ранены. Эти не доживут до завтра. Остальные утром потащатся к своим со своей долей добычи. Они не дойдут. Потом мы принесем Вепрям дары и скажем, что их воины хорошо сражались и все до одного погибли в великой битве.

– Ты собираешься их убить? – спокойно спросил Скарр.

– Да, и ты понимаешь почему. Мы стали слабы, как никогда. Никто не должен знать об этом хотя бы до тех пор, пока не окрепнут наши раненые. Люди Вепря многочисленнее нас, им очень пригодилась бы наша долина. Отпустить соглядатаев – значит вызвать войну.

– Возможно. Но не думаешь ли ты, что слухи распространяются только по нашему миру? Люди Суора знают, что бок о бок с ними сражались воины Вепря и не все они погибли в бою. Узнает их вождь, узнает Шанги. Чародеи разговорчивы. Я даже не хочу думать, какими причудливыми путями истина достигнет ушей Вепрей, но нисколько не сомневаюсь в том, что рано или поздно она их достигнет. А тогда войны не миновать, но это будет уже другая война, вождь. Страшная война, я не хотел бы ее увидеть. Нас начнут ненавидеть, как крысохвостых, и точно так же станут истреблять. Может быть, даже охотнее.

– Это будет не скоро, – возразил Растак, темнея лицом.

– Мы не знаем, когда это случится, рано или поздно. Но это случится. Хочешь совет? Дай воинам Вепря уйти, отпусти их с дарами и благодарностью. Пусть они соглядатаи, пусть. Они видели, какие у нас союзники, и поняли, что для успешной войны с нами им придется

первым же ударом захватить Дверь, а это не так-то легко сделать. Мы стали слабым племенем, но, пока соблюдается Договор, слабые племена будут жить. Войны, может быть, и не будет.

Вождь долго молчал, взвешивая слова старика. Видно было, что слова эти ему очень не по душе, но нет таких своих слов, чтобы перевесили сторожкую старческую мудрость. В конце концов, кто может знать, что случится через год, два, десять? Через десять лет советы вождю будет давать уже другой чародей, ибо Скарр умрет намного раньше. Выходит, и перед зевом могильной ямы он заботится о будущем людей Земли не меньше, а больше, чем сам вождь?!

Растак не дал вспышке гнева вырваться наружу – но чего это ему стоило! Плечо просто корежило болью, словно медведь ломал. Кликнуть травниц, велеть подать макового настоя? Нет, после, когда никого не будет рядом...

– Вепри уйдут к своим, – решил он. – Моли Землю, Скарр, чтобы завтра с ними не началась война... А что ты сказал насчет тех, из Запретного мира? Их двое?

– Возможно, и двое, но один – наверняка. Думаю, он попал к людям Волка через их Дверь. Проверить недолго.

– Ты уверен, что в наш мир пролез человек, а не зверь?

– Да. Я почувствовал.

Растак в сомнении покачал головой:

– Есть разница?

– Огромная.

– К людям Волка, говоришь? Так они уже, наверно, его убили.

– А если нет? Пока я не увижу сам или вот он не увидит, – чародей кивнул на Юмми, – я не могу быть спокойным. Это нарушение Договора, вождь. Земля не простит.

– Хорошо, – решительно сказал Растак. Пора было кончать этот разговор. – Чего ты хочешь?

– Пятерых сильных воинов. Прямо сейчас.

– Хорошо. Как только уберутся плосколицые – получишь.

Скарр упрямо мотнул головой:

– Выйти надо сегодня. От крайности завтра с рассветом, но не позже. И то боюсь, не опоздать бы.

Неожиданно вождь всохотнул – одним ртом. Глаза сузились в злые щелки.

– Ты хочешь увести пятерых? У нас каждый воин на счету! Враг за валом!

– Враг скоро отступит. Но у нас нет времени ждать. Опоздаем – будет стократ хуже.

Спокойная жутковатая уверенность в сказанном – вот что поразило вождя, и слова решительного отказа не слетели с потрескавшихся губ. Вместо этого Растак кивнул, прекращая тягостный разговор.

– Получишь пятерых. Только не сейчас – завтра. Ты на себя, старик, посмотри, куда тебе идти...

– Спасибо, вождь.

Пока вернулись, в землянке стало совсем темно, скудный свет из дымоходного отверстия в крыше не рассеивал сумрака. Солнечный диск падал за горы, устав от бесконечного кровавого дня. Юмми сбегала на площадь за огнем, затеплила глиняную плошку. Фитиль из скрученной шерсти задымил и затрещал, вокруг огонька начал плавиться топленый жир.

Скарр не лег – сел на лежанке, дрожа от озноба, кутаясь в меха. Ох, как много надо сказать, прежде чем напавшая нехстати лихоманка поборет немощное тело, затуманит разум...

– Тебе холодно, дедушка? Сейчас разведу огонь.

– После разведешь. Слушай меня... внук. – Бескровные губы чародея подрагивали, с трудом роняя слова. – Сам видишь, что со мной... Надо бы мне самому, да нет сил. Наказала Земля за ошибку... Придется тебе кое-что сделать за меня...

– Я не оставлю тебя, дедушка.

– Молчи и слушай. Сегодня, когда прикажет вождь, пойдешь на Двуглавую и откроешь Дверь в мир Рыси. Половина союзников уходит. Надо бы мне открыть Дверь, да не удержать мне ее сейчас... По правде говоря, и не дойти туда. Ты справишься. Если что пойдет не так, не бойся – Шанги с той стороны услышит и поможет. Бойся не неудачи – бойся ошибки. Потом вернешься сюда... Завтра с рассветом поведешь пятерых воинов в земли племени Волка. Опять-таки надо бы мне самому, но... Растак согласится. Поидете открыто, не прячься... На границе дадите знать о себе дымом. Если Волки не пропустят воинов – иди послом один, говори с вождем, а главное, с чародеем. Скажи – от моего имени говоришь. Тот человек из Запретного мира... его надо найти, если еще жив... – Слова давались старику все труднее. – Потом второй... мне кажется, что пришельцев было все-таки двое... его тоже надо найти...

– И убить? – тихонько спросила Юмми.

– Как можно скорее... Обоих. Ты понял?

Скарру показалось, что правнучка отшатнулась, – но, наверное, просто легкий сквозняк пригнул огонек в плошке, вот и прыгнула тень. Конечно, не дело посылать с таким поручением девчонку... а что делать, если у самого нет сил? С преследованием чужака и убийством Ер-Нан справился бы лучше, но посылать его говорить с соседями – себя не уважать... То-то посмеются над племенем, в котором старому чародею не нашлось лучшего преемника!

Ничего, Юмми справится, сделает как надо. Пора взрослеть, ученики чародеев взрослеют рано...

– А иначе никак нельзя, дедушка? – услышал Скарр, и тотчас – он даже удивился – его губы сами прошептали ответ, как заклинание:

– Ничто не должно попадать к нам из Запретного мира. Никто, ничто и никогда, таков Договор... Запомни: лучше погубить всех, чем его нарушить. Пришельцы должны быть не только убиты, но и сожжены, а пепел развеян. Что нельзя сжечь, должно быть тайно закопано... или утоплено на глубоком месте. Ты сделаешь это?.. – Пальцы старика впились в волчью шкуру, он подался вперед. Шевельнулись тени. Скарру казалось, что еще чуть-чуть, и пугающая тьма ринется на него раньше, чем он успеет сказать самое главное. – Ради меня... Сделаешь?

– Сделаю, дедушка, – Юмми вздохнула.

Глава 7

*Он поступил законам так противно,
На общество так явно поднял меч...*

А.К. Толстой

Рассвет следующего дня застал Витюню возле той же реки, но уже много ниже по течению. Выбрав на берегу плоский гранитный валун, Витюня старательно продолжал дело, начатое еще вчера, – с мерзким скрежетом возил по камню жалом лома, затачивая его наподобие пики. Чем не оружие? К тому времени, когда солнце поднялось над лесом и стало припекать, работа была окончена. Метнув для пробы лом, как дротик, шагов с десяти в чахлую сосенку, Витюня сумел вытащить его обратно, только расщепив ствол, и остался доволен результатом. Теперь не страшна никакая зверюга, если только не подкрадется неожиданно. Будучи человеком мирным, Витюня отнюдь не горел желанием выяснять, кто из них двоих – он или медведь – заламает другого в схватке без оружия. На фауну должна быть управа. Теперь ежели сунется – получит стальной пикой в брюхо, и вся недолга.

Он почти не спал в эту ночь, дождавшись рассвета на ветвях циклопической ели, и изрядно зазяб – сырая телогрейка нипочем не желала соответствовать своему названию. Ночевать на земле без костра Витюня не рискнул, костер же не удалось разжечь ни высеканием искры ударами кремня о лом, ни трением друг о друга сосновых сучков. Впервые Витюня позавидовал Агапычу, да и другим курильщикам, как правило, имеющим при себе источник огня. В кармане телогрейки, правда, нашлась спичка, которой Витюня ковырял в зубах, но во время купанья сера с нее слезла. Да и не обо что было чиркнуть этой спичкой, если честно.

Ночью кто-то выл в отдалении – самозабвенно, в несколько голосов, но никакого лая Витюня не услышал, сколько ни прислушивался, и смутно заподозрил, что выли не собаки. Кричали неведомые звери, в кустах подозрительно шуршало, кто-то большой и тяжелый хрустел поблизости валежником, и хохотала неведомая птица, шумно устраиваясь в ветвях. Лес жил ночной жизнью.

Саднило плечо и почему-то низ живота. Утром, обрушившись с ели вместе с подломившейся нижней веткой, совершив у реки омовение и какое-то подобие разминки, Витюня снял с себя двух клещей, впившихся возле резинки трусов, по счастью, не чересчур глубоко, и решил впредь обходить ольховники. А еще зверски хотелось есть. Вчера под вечер Витюня вспугнул зайца, естественно тут же давшего деру, и долго преследовал тетерку, симулировавшую перебитое крыло, швырял в симулянтку камнями, но не попал. Грибов, конечно, не было, ягод тоже. Черничные кустики, хорошо знакомые с детства, даже еще не зацвели. Как поймать рыбу без снастей, Витюня не знал.

Голодный и мрачный, он двинулся в прежнем направлении, теперь уже нимало не сомневаясь, что его неведомым путем занесло в Канаду или, в лучшем случае, в Сибирь. Заточенный лом он нес в руке. Ему пришло в голову, что по логике вещей его фамилия должна была бы теперь звучать не Ломонос, а Ломоносец, то есть носящий лом, и от этой мысли Витюня совсем расстроился.

Вчера, успев до сумерек отмахать километров пятнадцать, он так и не нашел моста. Больше того, отсутствовали и какие-либо иные признаки цивилизации! Зато на влажном прибрежном песочке в изобилии имелись следы отнюдь не человеческих ног. Песок хранил и разнокалиберные углубления в форме копыт, простых и раздвоенных, и отпечатки мягких подушечек хищника, в котором Витюня заподозрил рысь, и следы, похожие на собачьи, но гораздо крупнее, и множество мелких отпечатков лап совсем уже неизвестного Витюне зверья.

Один раз, правда, встретились следы человека – обутого странно, но все же несомненно человека, и Витюня, давно уже успевший пожалеть, что отпустил вчерашнего психа с копьем, пошел было по следу, забрел в лес и там след потерял. Ни дороги, ни тропинки, которыми можно было бы выбрести к людям, в лесу не начиналось, сколько Витюня ни искал. Нашлось лишь старое кострище, прогоревшее, по-видимому, давным-давно. Поборов стыд, Витюня с полчаса истошно орал, призывая помощь, но дождался только ответного цоканья белки в ветвях над головой. На голову посыпался мелкий мусор. Чертыхнувшись, Витюня отступил и спугнул сову, как видно, облюбовавшую соседнее дерево для дневки. Приходилось еще раз признать, что его занесло в редкую глухомань.

Ничего другого не оставалось, как продолжать путь вдоль реки, надеясь, что если не повезло вчера, то непременно повезет сегодня. Трусливую мысль о том, что может не повезти ни сегодня, ни завтра, ни вообще никогда, Витюня выгнал вон, и она больше не навевалась. Обязательно будет мост! Или ЛЭП. Или, на худой конец, тракторный брод.

Дважды он поднимался на возвышенности, чтобы осмотреться и принять решение, но ничего нового в окрестностях не увидел и никакого решения не принял. Показалось только, что вдалеке кудрявится над лесом легкий дымок, но в самом ли деле удалось его разглядеть или он только померещился – вопрос. Ну что ж, это почти по пути, и, спустившись по реке ниже, можно будет сходить посмотреть, кто там жжет костер...

Возле самого уха неожиданно свистнуло, и в свилеватую, крученную ветром сосну в пяти шагах впереди с тупым звуком воткнулась густо оперенная стрела. Удивиться Витюня не успел – последовал шлепок, похожий на легкий подзатыльник, и сбитая с головы ушанка, прободенная точно такой же стрелой, запрыгала вниз по склону. В редком сосняке на вершине каменистого холма появились фигуры, и каждая из них напоминала того вчерашнего... которого пришлось поучить да отпустить восвояси. Как видно, зря.

Блин...

Витюня насупился. Теперь он вовсе не был убежден, что встретился с ролевиками, братьями Шурки Подойникова, такими же ненормальными, как он. Однако приближающиеся небыстрым бегом до головной боли невразумительные фигуры, числом около десятка, были все как один одеты в лохматые шкуры, в руках имели небольшие круглые щиты и копья с широкими лезвиями, вряд ли чистыми, зато определенно очень острыми.

– Ламеры, – осуждающе сказал Витюня, вспомнив излюбленное словцо Шурки. – Порезетесь.

Никто не обратил внимания на его слова. Набегающие неизвестные, словно по команде исторгнув из десяти глоток собачий вой, выставили перед собой копья, а двое – луки. И один из них, не прерывая бега, как раз готовился пустить стрелу!

– Да вы, мужики, чо... – раздраженным сиплым басом начал Витюня – и не закончил. Тявкнула тетива, левый бок рвануло болью, и этого хватило, чтобы оборвать тоненькую ниточку, на которой еще кое-как держались остатки Витюниного спокойствия.

Первая заповедь: если ты гораздо сильнее среднего человека, не выходи из себя без серьезнейшей причины. Вторая заповедь: даже выйдя из себя, соизмеряй силы, во-первых, потому, что убить человека очень нетрудно, а во-вторых, потому, что не из-за всякого шизанутого стоит отсиживать срок – часто вполне достаточно поучить невежу без членовредительства. Злость нужна только в одном случае: при подходе к штанге. Как большинству тяжеломеров, Витюне не приходилось постоянно держать в уме эти заповеди – они выполнялись как-то сами собой. Лишь однажды он осерчал настолько, что разогнал шайку пьяно-наглых приставал, а двоих, не успевших утечь, легонько постукал друг о друга головами, совершенно остыв во время этого занятия и даже устыдившись. Разве можно ломить всей силой против хлюпиков? Это же нечестно!

Но сейчас, когда из телогрейки торчала толстая оперенная стрела и терзала занозой бок, а неведомые дикари, выкрикивая на незнакомом языке что-то несомненно оскорбительное и потрясая копьями, брали его в полукольцо с явным намерением причинить еще больше боли, Витюня позабыл все свои заповеди.

Должно быть, поначалу враги сочли его медлительным – ох, зря... Гнев поднялся волной и захлестнул. Витюня с рычанием прыгнул вперед, отмахнул ломом, как колом, ударившие разом копья. Еще отмах – и крайний в полукольце хулиган опрокинулся, сбитый ударом в бок. Новый взмах – и щит его соседа сложился пополам, а сам сосед, уронив копье, с воем схватился за ушибленную, а то и перебитую руку. Лом порхал в руках Витюни, как тросточка. Мало вам?.. Мало?! Брысь! Ушибу, придурки!!!

Отбито летящее в грудь копье, брошенное крепкой – ничего не скажешь – рукой. Выбит лук у недоумка, собиравшегося выстрелить в упор, и стрела усвистела неведомо куда. Витюня рычал, наскაკивая, вращая ломом. Драться пришлось нешуточно. Уже четверо противников отползали со стоном, еще двое лишились копий и выхватили топоры на гнутых рукоятках. Раздражало то, что четырьмя махами из пяти приходилось отражать удары, зато уж пятый шел – подвинься и не вякай. Удар! С трудом отбит пущенный в голову топор. Получай, гад!! Не нравится?!

Та компания пьяных приставал разбежалась почти сразу – эти проявили изумившее Витюню упорство. Ну, сами виноваты...

Бросок в сторону, туда, где уцелевший лучник накладывает на тетиву новую стрелу, удар наотмашь по черепу... Поворот – и как раз вовремя, чтобы уклониться от летящего копья. Крики, треск, рев... Отточенное жало лома пробивает щит и готово застрять, надо вырвать... Вырвал! Удар. Удар...

Последних двоих, не поврежденных телесно, но наконец-то обратившихся в бегство, Витюня гнал за вершину бугра и вниз по склону, пока не понял, что догнать удирающих не удастся и вообще бегать кроссы в валенках довольно неудобно. Тяжело дыша, он вернулся к месту побоища и только сейчас выдернул из телогрейки обломок стрелы. На левом боку острый наконечник глубоко рассек кожу, зацепив и поверхностные мышцы. Весь бок залило кровью. Рана, по виду, была неопасна, но Витюня вновь ощутил боль, а вместе с нею и гнев. Св-волочи! Если бы слой простеганной ваты не отклонил полет стрелы – ежу понятно: абзац, труба и хана. Ясен пень, придурок целил в сердце, без всяких хитростей собирался убить!

Но почему?!

Трое противников лежали неподвижно, и не надо было звать врача, чтобы определить: мертвы. Особенно вон тот, которому снесло полчерепа... Витюню замутило, пришлось поспешно отвернуться. Трое исчезли: как видно, раненные легко, успели ухромать восвояси, уползли кустами или затаились где-то. Двое раненых остались на месте побоища – один, битый в бок, лежал на спине и стонал, мученически закатывая глаза, другой, привстав на одно колено, имел в левой руке подобранный с земли лук, а правой тянулся к валяющемуся рядом колчану. Лук Витюня отобрал и зашвырнул на сосну. Поискав, нашел и второй лук, а это значило, что никто из уцелевших не пустит в него стрелу из кустов. Ну и ладно.

– Доигрались, придурки? – сказал он с осуждением. Злость ушла, и теперь на сердце отчаянно скребли кошки. – Вам-то что, сами виноваты, а мне? Блин, доказывай не доказывай теперь право на самооборону – один черт засудят! Вон, убитых трое...

– Ышари найза... – ненавидяще прошипел неудачливый лучник. – Здай кышун уха... – Разговаривать с ним было бесполезно.

Второй лук Витюня ломать не стал и не бросил, а повесил на плечо. Подобрал на всякий случай и колчан с десятком стрел. Вещдоки как-никак. Может, пригодятся. Нашел пробитую стрелой ушанку, стрелу выдернул и убрал в колчан, а попорченный головной убор водрузил на законное место. Взял одно копье и один топор. Остальное оставил и, в последний раз мрачно

оглянувшись на место побоища, заспешил к реке. Раздевшись, промыл рану холодной водой, шипя и взрыкивая от боли, затем выполоскал рубашку и замыл кровь на прорванном свитере. Майку также выполоскал, старательно выжал и, когда рана перестала кровоточить, приспособил в качестве временной повязки, закрепив узлом на правом боку.

Что делать дальше, было абсолютно неясно. Напрашивалось лишь первое действие: удалиться отсюда как можно скорее и дальше. А потом?..

Вот гады. Уголовником сделали. Этим, как его... мокрушником. Конечно, сами напросились, но... нехорошо вышло. Витюня поспел. Куда там нехорошо – просто погано! Но что они себе думали: против лома есть приемы?

Да кто они вообще такие, эти психи? Дикари? Весь жизненный опыт Витюни протестовал против подобного объяснения. Какие еще дикари, охотники за черепами, какой такой павлин-мавлин? Средняя же полоса, ей-ей. Вон елка растет, а вон черничник. Отсюда до ближайшего папуаса столько, что самолет, пожалуй, и не долетит без промежуточной посадки...

При мысли о самолете Витюня потемнел лицом. Как ни крути, а ни вчера, ни сегодня в небе не наблюдалось никаких самолетов и даже их инверсионных следов. Что бы это значило в купе с отсутствием дорог, мостов, проводов и наличием бандитов дикарского облика?

До догадки Витюне оставался один шаг. Но как раз этот шаг отчаянно не хотелось делать.

С ломом в правой руке, с копьем и топором – в левой, с луком и колчаном за спиной он привычно побрел осточертевшим берегом осточертевшей реки, но уже поминутно оглядываясь: не преследует ли кто? Подкрадутся и пустят вот такенную стрелу в затылок – мало не покажется.

Стрелу Витюня осмотрел внимательно. Толстая, с мизинец, и довольно тяжелая, она заканчивалась остро отточенным медным наконечником, похожим формой на лавровый лист из борща; с другого конца имелось серое перо, вставленное в плотно замотанный грубой ниткой и промазанный каким-то клеем расщеп. Озадаченно поморгав над стрелой, Витюня осмотрел копье и топор. Хе... Тоже медь, хоть тресни. Копье еще так-сяк, а топор уродский: гнутое, вроде кочерги, топорище засунуто гнутостью в пустотелое лезвие, как нога в валенок, металлического обуха у такого топора нету вовсе. И какой умник вообще выдумал делать топоры из меди?! Взять бы его да и сунуть на зачет к любому преподу по металловедению...

Постепенно неразрешимые загадки перестали занимать Витюню. И без того второй день от загадок ныло под черепом. Час проходил за часом, голод терзал все сильнее, жгло в боку, а ландшафт по-прежнему оставался совершенно девственным. Витюня устал и шел мрачнее тучи. Угнетало свежее воспоминание об учиненном побоище. С какой стороны ни взгляни – три трупа на нем. Жалко идиотов. Жалко себя – а ну как придется отвечать по статье? Уж лучше опять вышибалой в казино, лучше назад в родные Мошонки, чем это! Конечно, лучше всего было бы обратно на стройку, да где она?..

И что плохого в Мошонках? Колхоз, пишут, еще живой. Племенной бугай по имени Вредитель, под которого Витюня когда-то подлез и приподнял на спор, состарился и сдан на колбасу, но это не беда, новый бугай вырастет. Воздух, опять же, свежий, не московское не-пойми-что, овощи с огорода на навозе, без нитратов... Э-хе-хе...

Косолапо срезая речную петлю через очередной бугор, Витюня вновь увидел дым. Теперь сомнений не оставалось – кто-то невдалеке жег костер. Меньше всего Витюне хотелось вновь напороться на дикарей, однако взглянуть стоило. Само собой, осторожно, чтобы опять не пришлось оставлять позади себя убитых и изувеченных...

С верхушки титанической лиственницы, одиноко растущей на просвеченной солнцем лесной поляне, свисало и колыхалось на легком ветерке что-то очень большое и неуместно оранжевое. Вроде двух связанных белой тесьмой полотнищ – побольше и поменьше. Невдалеке горел костерок. Возле него на траве сидел и насвистывал щуплый рыжий парень, слава богу,

одетый в красный капроновый комбинезон – не в волчью шкуру. Рядом валялся красный же мотоциклетный шлем с очками.

За истекшие сутки глазомер Витюни обострился чрезвычайно. По беглой прикидке, парень был невысок ростом, а по толщине торса не шел с Витюней ни в какое сравнение. Хлипкий. Такого не вопрос скрутить в бублик одной левой...

Увидев Витюню, парень перестал свистеть, выставил вперед палец, как пистолет, и с хорошо различимым удовлетворением в голосе произнес:

– О! Человек.

– Ты кто? – неласково отозвался Витюня, крепче сжимая лом. Хотя на душе немного отлегло: этот абориген не только был пристойно одет, но вдобавок разговаривал по-русски! И вообще, по-видимому, принадлежал к аборигенам цивилизованным.

– Не видишь, что висит? – Парень указал на лиственницу и нервно хихикнул. – Я парашютист.

Глава 8

*Он бродит сумрачен; не той
Он прежде мнил идти дорогой...*

А.К. Толстой

– Запаску распустил, по ней и слез, – рассказывал Витюне новый знакомый, назвавшийся Юриком, – а до земли еще сам видишь сколько... ну и подвернул ногу. – Он пощупал лодыжку и пожаловался: – Болит, сволочь.

– Идти-то сможешь? – спросил Витюня.

– Смочь-то смогу, пожалуй. Вопрос в другом: куда и зачем?

– Ну туда, – Витюня не очень уверенно показал рукой. – Вниз по течению.

– Ты все это время сверху, что ли, шел? – любопытствовал Юрик.

– Угу.

– С ломом?

Витюня кивнул и снова угукнул. Не бросать же инструмент. Равно как незачем подробно объяснять всякому встречному-поперечному, что ломов на стройке нехватка и из-за каждого утраченного Луноход-Мамыкин будет полдня нудить не переставая.

– Ну и как там?

– Где?

– В лебеде. Выше по течению, блин.

– Так же, как здесь, – признал Витюня.

– А тогда на кой хрен вниз? С чего ты взял, что мы вообще куда-нибудь выбредем? До устья реки, возможно, когда-нибудь и дошлепаем, а оно тебе нужно?

Витюня наморщил лоб, чем вызвал новый приступ тупой головной боли. Череп казался скорлупой ореха, а мозг – ссохшимся ядрышком, свободно (и болезненно) катающимся внутри скорлупы.

– Но ведь надо же куда-нибудь идти, правда?

Юрик пожал плечами:

– Сначала не худо бы знать куда. А для начала выяснить, куда нас занесло. Ты-то что думаешь?

– К психам, – убежденно сказал Витюня. – Ты гля, чем они меня убить хотели!

– Отбился? – Юрик в который уже раз с восхищением оглядел глыбоподобную фигуру неудавшегося штангиста. – Ломом, что ли? – Хилой лапкой он с усилием приподнял лом, попытался покачать в руке и сейчас же опустил. – Весомый аргумент...

– Угу, – сумрачно пробасил Витюня, решив не раскрывать подробностей. Убил не убил – какое дело этому белобрысому? Притом сразу видно: трепло.

– Есть хочешь? – спросил Юрик.

– Угу. Только нечего.

– У меня тоже. Слона бы съел, честное слово. И сигареты вчера кончились, сегодня бычки докуривал...

Как всякий человек, ведущий правильный образ жизни, Витюня был равнодушен к страданиям наркоманов. Эка беда – сигареты.

– У тебя хоть зажигалка есть, – сказал он, подбрасывая в костер ветку. – А я, понимаешь, всю ночь на дереве...

– С ломом?

– С ним. Медведи тоже по деревьям лазают.

Юрик добыл из кармана зажигалку, пощелкал кремешком.

– Тоже кончилась...

Помолчали, глядя на огонь. Потом Юрик пришиб слепня, устроившегося на запястье, и проговорил задумчиво:

– Давай рассуждать логически...

– Давай, – согласился Витюня и замолчал.

– Это не наш мир.

– Почему?

– По определению. Скажи еще раз: какое вчера было число?

– Двадцатое декабря, вторник. Два дня до получки.

– Год?

– Девяносто второй.

– Время?

– Как раз раствор подали. Около одиннадцати, наверное.

– У меня то же самое. Ты упал с крыши, так?.. Не с крыши? Ну, неважно, главное, не разбился... Пролетев немного, попал сюда, верно? Из зимы в лето. Из Москвы – не пойми куда. Сильно ударился?

– Не очень.

– Повезло. Значит, имеем канал проникновения. Входная точка – где-то возле стены твоего дома на изрядной высоте. Выходная – на берегу этой реки низко над землей. Найти в случае чего сможешь? – Витюня кивнул. – Теперь я. Прыгал с двух тысяч. Купол погас примерно на восьмистах, тут мне стало не до наблюдений... Когда опять наполнился – гляжу, высота не восемьсот, а все две с половиной, и внизу не аэродром под Оренбургом, а... вот это самое. Опять же, лето, а не зима. Выходит, существуют два канала в этот мир, открывшиеся одновременно, так?

Витюня молча помотал головой.

– Почему не так?

– Не знаю... Просто не нравится мне все это...

– Это аргумент? – Юрик фыркнул.

– Не знаю...

– А я знаю. Лучше радуйся, что нас при переходе не пришибло каким-нибудь разрядом. Я вот радуюсь... Теперь вопрос: куда мы попали? Дай-ка сюда топор... Давай, не бойсь, я не буйный. Ты когда-нибудь видел такие топоры?

– Нет, – признал Витюня.

– А я видел. В Питере, в Эрмитаже. Типичный топор-кельт бронзового века. Ты ведь студент-металлург, вот ты и скажи: что это за металл?

– Медь, – сказал Витюня не глядя. – На копье и стрелах то же самое. Отливка и грубаяковка. Медь, а никакая не бронза.

– Наплевать. Бронзовый век и должен был начаться с меди, скажешь нет? Значит, – Юрик дидактически устремил вверх указательный палец, – ранняя бронза. Будем пока так считать. Сколько это – наверное, тысяч пять лет до новой эры?

– Ну, – буркнул Витюня. Он не знал сколько. Потом до него дошло. – Блин...

– Блин, – согласился Юрик. – Влипли. А еще хочешь взглянуть кое на что? Не поленись, сходи вон туда, правее родничка. Да-да, вон туда, где мухи.

– Зачем еще?

– Сходи, говорю. Увидишь.

Как-то само собой получалось, что Юрик взял инициативу в свои руки и уже начинал командовать. Нельзя сказать, что Витюню порадовало данное обстоятельство, однако возражать он не стал, это всегда успеется. Главное, среди всей окружающей дури, среди доломоты в

затылке непонятного бреда нашелся один более-менее нормальный человек, пусть и со странными фантазиями. Придумал тоже: пять тыщ лет...

Шагах в тридцати трава была примята. В нос ударила тухлая вонь, из травы при приближении Витюни с мерзким жужжанием поднялся крутящийся столб крупных зеленых мух.

– Видал? – спросил Юрик, дождавшись возвращения окончательно посмурневшего Витюни. – Ну и что это, по-твоему?

Витюня отмахнул увязавшуюся муху и поборол приступ тошноты.

– На крысу похоже.

– Ясен пень, крыса, только без хвоста и шкуры. Ободрана дня два назад. Кто ее мог ободрать, как мыслишь?

– Не ты?

– Не я. Сказал же: два дня назад, а не вчера.

– Значит, псих какой-нибудь, – пробубнил Витюня.

– Ладно. Тогда сходи вон к тому дереву.

– К елке, что ли?

– Это лиственница.

– Не пойду. Сам иди.

– Был уже. Думаешь, почему я от дерева ушел? Там еще одна тухлая крыса, только со шкуркой. Прибита к стволу медным гвоздем. Говорю сразу: я не прибивал.

– Тогда тот же псих. Или другой.

– Не катит, – с удовольствием сказал Юрик. – Тебя послушать, так здесь одни психи живут. А я, между прочим, с высоты стадо видел. Вон там, за горушкой, километрах в трех отсюда. Овцы, пастухи, собаки. Я потому и на дерево сел, как лапоть, что до самой земли башкой вертел во все стороны и соображал, что к чему. Значит, здешние психи занимаются скотоводством и примитивной металлургией, а заодно сдирают шкуры со всякого зверья, так? На тех, кто напал на тебя, были, говоришь, волчьи шкуры? – Витюня кивнул. – Тогда почему я должен считать их психами? По-моему, нормальные полудикари, наши с тобой пращуры. Что это означает, ты понимаешь?

Витюня только посопел в ответ. Правды не хотелось, правда резала глаза и была ужасна. И почему-то принять ее казалось постыдным. Словно выйти на помост и, не прикоснувшись к штанге, отказаться от попытки.

– Сперва и я думал, что провалился куда-то во времени, – продолжал Юрик, невозмутимо почесываясь. – Судя по артефактам, мы усвистели тысяч на семь лет назад. Два плюс пять будет семь. Словом, туннель во времени, как в идиотских сериалах. Мир вроде наш: солнце, горы, лес... на Урал похоже. Слушай, у тебя часы есть?

Витюня покачал головой.

– В бытовке оставил.

– И у меня нет. Но вроде сутки здесь как сутки. Если бы ночь была в двадцать часов, я бы заметил... А на небо ты не смотрел?

– Луны не было, – сказал Витюня, – я точно видел. – Подумавши, он сообщил неуверенно: – Но ведь это бывает, что луны нет, да?

– Бывает, бывает, – успокоил Юрик. – Новолуние называется. А в звездах ты что-нибудь понимаешь?

Витюня только покачал головой.

– Я тоже не очень, однако Большую Медведицу от Кассиопеи как-нибудь отличу. Так вот, оба созвездия на месте, Полярная тоже наличествует. Большая Медведица – тот же ковш, что у нас, один в один, а что это значит?

– Что? – спросил Витюня. Болтовня нового знакомца смешивалась в его голове в какой-то однородный цементный раствор.

– А то, что за семь тысяч лет ковш должен был исказиться, понятно? Астрономию в школе проходил? Рисунок в учебнике помнишь?

– Ну?

– Чего «ну»? – снисходительно спросил Юрик. – Помнишь или нет? Семь тысяч лет это не пятьдесят тысяч, но какую-никакую разницу я бы увидел. А ее нет! Совсем нет, врубаешься? И Полярная на месте!

Понять логику Юрика Витюня уже не пытался. Ясно было только одно: сейчас придется принять на себя еще один удар подлюки-судьбы. И суметь выдержать его, как штангу, пусть и с хрустом позвонков... лучше бы, конечно, без оглушительного пука, от которого покатываются зрители.

– Это не наш мир! – Юрик неприятно рассмеялся. – Похожий, но не наш. Отличающийся по времени, но не сильно. И в этом мире только-только начался бронзовый век!

– Чо? – спросил Витюня и заворчался. Под ложечкой внятно екнуло.

– Чо слышал. Возражения есть? Нет? Тогда принимаем как рабочую гипотезу. Вопрос второй: что нам делать?

– Идти.

– Куда?

– Ну туда же... по течению.

– Тебя что, о пень шарахнуло? – Юрик фыркнул. – Обломись. Что мы там забыли?

Витюня смолчал, не сумев найти ответ. А в самом деле, что? Но река все же давала хоть какую-то определенность – иди себе бережком, а там уж куда выведет. Почему бы реке не вывести куда-нибудь?

В голове тяжело, как камни, ворочались обрывки неоформившихся мыслей. Стучало в висках и отдавало в затылок.

Костерок прогорал. Рдеющие угли подергивались серым пеплом. Дунул ветерок, шевельнул ветки, колыхнул на лиственнице стропы парашюта и уже на последнем дыхании доструил до носа запах крысы. Юрик сплюнул и спросил:

– Тебе не жарко?

– Угу, – согласился Витюня, но телогрейку и треух не снял. Меньше мороки. А если пара лишних килограммов выйдет с потом, то тем лучше. Перед соревнованиями приходилось и по пять кило в бане сгонять, дело привычное.

– То-то и гляжу: перегрелся.

– Парашют снимем? – спросил Витюня, уходя от неприятной темы.

– Я уже пробовал. Ничего не выйдет. А жаль: палатку бы сделали.

– Можно дерево срубить.

– Вот этим? – Юрик ткнул пальцем в медный топорик, скривил лицо и снова сплюнул. – Попробуй. Дня на два работы. Да еще неясно, что это за дерево такое – может, какое-нибудь священное. Дохлых крыс зря не прибывают.

Снова помолчали. Потом Витюня спросил:

– Ты это давно?

– Чего?

– С парашютом прыгаешь.

– Не очень. Четыреста прыгов.

– Чего?

– Ну прыжков. Меня уже обещали инструктором взять. Работа не пыльная: пристегнулся к «чайнику», поддал ему легонько коленочкой – полетели... По выходным хорошие бабки. Ну и вообще лафа.

– А-а, – сказал Витюня, неловко массируя виски. – А так чем занимаешься?

– Торгуя с лотка. Раньше в политехе учился, да бросил. Очень кушать хочется.

- Чем торгуешь-то?
- Дамской амуницией. Трусики там, комбинашки прозрачные, бюстгалтеры. – Юрик хихикнул. – Деликатный товар, в общем. Примерить даю.
- А-а.
- Ничего работа. Но надоело. В пять утра за товаром едешь, материшь демократов с их рынком, вечером бабки считаешь – материшь коммунистов. Шиза, раздвоение личности. Если босс в долю не возьмет – уйду на хрен в инструкторы...
- А что, обещал взять?
- Обещал.
- А-а. – И Витюня посмотрел на Юрика с уважением.
- Чего «а»? Давай решать, вот что. Я так считаю: разделяться нам не резон. Согласен? – Витюня кивнул. – Чапать вниз по реке смысла не вижу. Это успеется. Кстати, лучше уж плыть, чем идти. Плот сделаем...
- Там пороги, – перебил Витюня.
- Тогда тем более успеется, – категорически заявил Юрик, не давая опомниться. Витюня только изумлялся тому, как быстро и без его участия решаются вопросы. – Ну, потопали, только потихоньку. Я быстро не могу.
- Куда?
- Туда, где я стадо видел. Пора вступать в контакт с аборигенами. Может, пожрать раздобудем. Только оружие не забудь. Аборигены, они, знаешь, бывают всякие...
- Это Витюня и так уже знал.

Глава 9

*Их глаза словно свечи,
Зубы шила острей...*

А.К. Толстой

Вверх-вниз, вправо-влево. Вьется тропа, как вьются все тропы в горном поясе. Старики рассказывают, что даже в лесистых землях равнинных людей с заката не бывает прямых путей. Пойдешь прямо – тут же застрянешь в буреломе, упруешься в озеро либо угодишь в болото. В степях, что лежат на закат и полудень, – там да, бывают. Наверное, это ужасно скучно – все время идти прямо и видеть перед собою равнину на полдня пути. Никаких неожиданностей, ну разве что вспорхнет из-под ног степная птица или порскнет заяц. Так и здесь заяц может порскнуть, эка невидаль.

Юмми улыбнулась и, тотчас погасив улыбку, покосилась на воинов: не увидел ли кто? Нет, кривые тропинки лучше. Жаль только, что они не так скоро выводят к цели...

Отряд шел второй день. Двенадцать воинов Волка дал вождь Ур-Гар, выслушав мудрого чародея Мяги. Двенадцать лучших воинов. Да еще велел не чинить препон воинам Земли – это еще пятеро и тоже не худшие. Сильный отряд. Кто бы ни были двое пришлецов из Запретного мира, участь их незавидна. Это решено. Даже Растак не возразил, хотя плосколицы еще и не думали убираться в свои болота и каждый воин был на счету. Хоть и выразился крепко вождь, помянув в сердцах нечистых духов, однако еще не ослаб разумом, согласился с больным дедушкой, сам предложил в провожатые Хуккана. Горяч вождь и непреклонен, но умен. Хуккан опытен в битвах и походах, никто лучше его не умеет распорядиться облавой, и обычаи Волков ему ведомы, не раз ходил к ним. Да и само имя его означает «волчище». Такому от соседей уважения куда больше, чем сопливному мальчишке, посланному вместо занемогшего старика. Хуккан, конечно, сильно помог – вождь Волков, выслушав, долго не думал.

А еще вернее помогло другое. Не успел Ур-Гар дать пренебрежительный отказ, заявив, что племя Волка чтит Договор и само расправится с незванным пришлецом, как прибежали двое из отряда, высланного на упомянутую расправу, с ужасной вестью: неуязвимый для стрел пришлец, обладающий сказочной силой, побил восьмерых невиданным оружием, спастись удалось только им двоим... Видно было, что оба напуганы и бежали, как побитые собаки. И хотя позднее выяснилось, что убитых только трое, один ранен тяжело, а четверо точно выживут, хотя вождь ничуть не поверил болтовне о непобедимости чужака и при всех назвал трусов трусами – все-таки новый отряд, пустившийся в погоню, состоял из сильнейших бойцов и помощь людей Земли не была отвергнута.

Это хорошо. Ослабшему племени надо дружить с сильными соседями, а дружба всегда покупается ценой помощи, особенно если беда вызвана ошибкой своего же чародея, не чужого...

Юмми вздохнула. Плох дедушка, вчера утром едва мог говорить и все же шепнул через силу: иди. Как-то там за ним ухаживают? После битвы с плосколицыми раненых множество, бабки-травницы сбиваются с ног, да и побаиваются дедушку, как все. Без слова вождя вряд ли кто вызовется ходить за больным, а вождь сам ранен, и дел у него выше дыма... Дедушка, миленький, выздоравливай! Как же я буду без тебя?

Слеза-злодейка не вовремя выступила и задрожала в уголке глаза – Юмми сердито сморгнула ее. Все-таки трудно прикидываться мальчишкой. Помочиться – и то приходится отставать от отряда под разными предлогами и прятаться за кустами. А как иначе, если дедушка велел притворяться? Ему видней. Понятно почему: он не хочет, чтобы дядя Ер-Нан стал чародеем. А

она, Юмми, ничуть не хуже дедушки находит, открывает и держит Дверь. Вчера все это видели. Даже Шанги, чародей с той стороны, улыбнулся и похвалил.

Почему нельзя быть нормальной девушкой, играть со сверстницами, плести венки, работать в поле, как все? Пригубив хмельного меду, плясать до упаду на праздниках? Обсуждать молодых парней – кто остановит свой выбор на тебе, когда придет время заневеститься? Оно уже пришло, как приходит для всех по пятнадцатой весне, а замужем не бывать – ну кто решится взять за себя воспитанницу колдуна? Были бы живы родители – тогда, конечно, иное дело...

И вовек не носить девичьих украшений: самоцветных ожерелий, ниток речного жемчуга, медных браслетов с насечкой, тонких лепестков-подвесок из ковкого золота. А носить облысевшую от времени меховую накидку и – по особым случаям – страшную харю-маску, отпугивающую злых духов. Вряд ли хоть раз в жизни посчастливится родить сына или дочь, с искрящимся счастьем юной матери поднести к груди свое дитя...

Так лучше для племени, не раз говорил дедушка. Он мудрый. И она слушалась дедушку во всем, хотя ей совсем не хотелось быть чародейкой, притворяющейся чародеем. Отсекут священным ножом мизинцы на обеих руках... это страшно и, наверно, очень больно. Тогда уже совсем станешь колдуньей, никто с тобой не поговорит иначе как по делу. Зря дедушка не хочет, чтобы после него чародеем стал дядя Ер-Нан – ну чем он плох? Ведь можно будет ему потихоньку помогать, если сам не справится, разве нет?..

Трудно девчонке с раннего детства изображать мальчишку, почти немислимо. Даже если жить не в деревне, а на отшибе за ручьем, всему племени глаза не отведешь, сколь ни старайся. Вон и Хуккан нет-нет да и взглянет на «внука чародея» с любопытством и подозрением. Спасибо, что молчит, а мог бы спросить при всех, нарочно не поверить ответу и под хохот мужиков потребовать доказательств мужского естества. Этого не хватало!

Юмми сердито шмыгнула. Ладно, что воинам в походе некогда заниматься чепухой, а то бы...

До места, где незванный пришлец в одиночку побил отряд Волков, шли спрямляя путь, дальше двинулись по следу. Чужак не петлял, не пытался запутать погоню, как в надежде уйти от расплаты сделал бы всякий повздоривший с хозяевами этого края. Две кудлатых собаки, уразумев, что от них нужно людям, вывалив на жару красные языки, уверенно вели отряд по следам, кое-где заметным и наметанному человеческому глазу, не то что собачьему носу. Никто не остался на бугре, где был побит первый отряд, лишь постояли недолго над мертвыми и дали напиток раненым. Скоро Ур-Гар пришлет им кого-нибудь с носилками, а у воинов иная забота. Куда бы ни ушел чужак, хотя бы и к крысохвостым, лучшие бойцы будут преследовать его до конца и убьют, конечно. Иначе не должно быть.

Иначе не будет, несмотря на то что крысохвостые – дикое отребье, знать не знающее Договора. Враги. И язык-то у них чужой, никто его не понимает. Дедушка рассказывал, что три поколения назад большая открытая долина, лежащая на закат от земель Волков, принадлежала племени, ведущему свое начало от праматери-Куницы. Беда обрушилась на племя внезапно, как подтаявший снег с еловой лапы. Не ближние соседи – многочисленные свирепые пришельцы из закатных краев, вызывающие омерзение своей привычкой украшать одежду и даже боевые щиты бахромой из крысиных хвостиков, напали внезапно. У пришельцев было хорошее оружие, им были ведомы военные хитрости, а в битву они бросались со свирепостью диких зверей. Немногие уцелевшие в страшной резне, найдя спасение и приют у соседей, в один голос утверждали, что чародеи племени успели обратиться за помощью в один из соседних миров, и помощь была оказана. Что толку! Крысохвостые все равно намного превосходили числом защитников долины, и участь Куниц была решена в какие-нибудь полдня. Племя перестало существовать, его земли и стада были захвачены, урожай с тех полей, что чудом остались

невытоптанными, пропал зря – пришельцы ценили лишь скот, не понимая силы брошенного во взрыхленную почву зерна.

Освоившись в захваченной долине, уверовав в то, что бить племена горного пояса легко и приятно, крысохвостые вскоре сумели одновременно ударить на восход и полуночь, нарушив границы сразу трех племен: Волка, Медведя и Горностая. Однако же урок, преподанный беспечным Куницам, кое-чему научил их соседей. Три племени, испокон веков ссорившиеся, иногда и до драки, из-за спорных пограничных участков, умевшие считаться обидами, нанесенными их прадедам и прапрадедам, пересилили междоусобную вражду и, заключив временный союз, призвали на помощь ближних соседей. Племя Земли не отказало в помощи. Два родных брата дедушки ходили с большим отрядом в поход на крысохвостых и оба вернулись мертвыми на носилках. В великой битве, стоившей обеим сторонам неслыханных потерь, крысохвостые были разгромлены и бежали. Тут бы и добить их, вымести чужаков обратно в их степи, отомстить за погубленных людей своего языка – ан нет. Вожди заспорили. Племя Куницы навсегда перестало существовать – кому же достанутся их земли? Долина широка и ровна, как ее делить, чтобы не было обид? Призванные на войну союзники громко требовали своей доли – не земель в долине, с которой их племена не граничили, а кусков владений соседей, подвергшихся нападению! Указывали на то, что соседи за счет крысохвостых вознаградят себя сторицей, кричали, что пролитая кровь требует награды и возмещения, наконец напомнили о прошлых обидах...

Союз рассыпался, как высушенный на солнце песчаный ком. Дальние союзники отпали. Племя Горностая, меньше других пострадавшее от натиска крысохвостых, наотрез отказалось продолжать войну.

Крысохвостые опомнились. Поход, с большим опозданием начатый против них вождями племен Волка и Медведя, оставшимися верными союзу, не привел к успеху. Эх, знать бы точно, где у Куниц была Дверь, вызвать бы подмогу из иных миров!.. Случай небывалый, Договор молчит о том, как следует поступить иномирным соседям – но им был прямой резон вмешаться, ведь и самим когда-нибудь понадобится помощь... Вместе с отрядами воинов шли тщательно сберегаемые чародеи, заучившие наизусть путаные рассказы немногих спасшихся Куниц, но Дверь не нашли. Среди спасшихся не было чародеев...

Каждое племя ревниво охраняет тайну своей Двери. Захвати у соседа место, где блуждает, никогда не повторяя своего пути, невидимый проход в смежные миры, – и сразу сравниешь силы, ибо сосед не получит поддержки извне. Вот потому-то Дверь посменно охраняют испытанные воины, но поодиночке, а не толпой, чтобы не привлечь внимания чужих лазутчиков; вот потому-то соплеменника, совершившего тяжкий проступок, чаще всего наказывают смертью и никогда изгнанием. Вот потому-то добрая половина племени, в особенности женщины, лишь приблизительно знают, где искать Дверь. Раб, заподозренный в знании этой тайны, должен умереть, иначе, сбегав или отбыв до конца срок рабства, укажет сокровенное место соседям-недругам.

У иного племени две Двери в одной долине, но такое бывает редко. Немало удобных долин, вовсе лишенных Дверей, переходят в войнах из рук в руки и никогда не послужат родным домом для отделившейся кучки, пытающейся жить своим особым укладом. Дверь – это для племени все.

Спасение. Жизнь.

Будущее.

Нет Двери – и будущее туманно и тревожно. Но оказалось, что наличие Двери еще не дает права смотреть в будущее без страха.

И не зря Ур-Гар приказал немедля казнить смертью того ничтожного, что не убил чужака, едва тот высунул нос из Двери. Мало того что чужак явился из Запретного мира, так он еще сумел уйти, зная больше, чем надлежит знать чужаку. Ур-Гар суров, даже свиреп, само имя его

напоминает рык волчины, отгоняющего слабейших от куска мяса, – но справедлив. Хорошо племени с таким вождем.

Долина Куниц так и осталась за крысохвостыми. С ними не вели переговоров, не торговали. До сих пор никто не выучил их языка. Попавшего в плен крысохвостого не оставляли в живых, а долго ли ему мучиться перед смертью, нет ли – то решали вождь и кудесник. Со временем опасные соседи утратили нахрапистый боевой напор, больших войн не затевали, но малые набеги ради угона стад и пограничные стычки случались постоянно. Ограбленные, в свою очередь, отвечали набегами, похожими на укусы. Юмми не знала, что Ур-Гар, вождь Волков, пытаясь организовать общий поход на крысохвостых, не раз посылал верных людей не только к Медведям и Горностоям, но и к Растаку, и к вождям племен Бобра, Лося, Ворона, Росомахи. Не знала она и того, что о том же самом бесплодно мечтал предшественник Ур-Гара.

Единый удар мог бы разом покончить с крысохвостыми, не знающими Договора. Если бы только удалось ударить всем вместе... Но нет полного согласия между племенами одного языка – и не будет. Пока есть Двери, всякое племя может без большой опаски поплевывать на соседей. Вон и люди Земли отбились от навалившейся с востока орды, выпросив помощь в смежном мире. То, что случилось с Куницами, бывает чрезвычайно редко. Слишком редко, чтобы вожди принимали это в расчет.

Очень плохо, если явившийся из Запретного мира чужак успел уйти к крысохвостым... Конечно, те дикари, скорее всего, убьют его так же верно, как это сделали бы люди правильного языка... но кто может знать точно? Нет, надо идти. И не просто идти – спешить. Даже в приграничье велика опасность угодить в засаду, ловко расставленную крысохвостыми, а уж в чужой долине – нечего и говорить. Одна надежда на внезапность, на то, что с чужаком будет покончено раньше, чем крысохвостые обнаружат и перебьют вторгнувшийся отряд...

Юмми молчала, сберегая дыхание. Воины Земли и Волка, дружески болтавшие о всякой всячине большую часть пути, теперь молчали как немые. Шли быстро, но сторожко, высылая вперед разведчиков. Лучники натянули тетивы, приготовив луки к бою. Пограничье... Самые опасные места. Здесь не шутят. Здесь Мать-Земля решает, кому топтать ее и дальше, а кому отправиться к предкам, оставив в могильном кургане ненужное более тело.

Семнадцать воинов и она, Юмми, топтали тропу след в след. Путь свернул влево от реки. Двое высланных вперед каркнули по-вороньи, в ответ подвыл волком Куха, вожак отряда. Нашли?

Нашли поляну и спадающую с верхушки большой лиственницы странную ткань невероятного огненного цвета, неизвестно для чего схваченную провисшими белыми ремнями. Предмет из Запретного мира... Он будет снят, хотя бы для этого пришлось свалить толстенное дерево, и сожжен дотла. Так сказал дедушка, а значит, так и будет. Но потом. Сначала нужно догнать чужака.

На стволе лиственницы – прибитая вонючая крыса. Так крысохвостые обозначают границы своих владений. Яснее всяких слов: мол, сунешься дальше – с тобой будет то же, что и с крысой.

Здесь чужак сидел у костра, совсем недавно. Хуккан сдул пепел с еще горячих угольков. А один ли был чужак? Вот примятое место, а вот еще одно, побольше... Двое! На краю поляны нашлись следы обоих – очень разные, но ни у Волков, ни у крысохвостых таких следов не бывает. Значит, дедушка не обманулся в худших подозрениях – чужаков действительно двое. Здесь, на этой поляне, они встретились. Отсюда они пошли вместе...

Один из них хромает. Это хорошо. Тем легче настичь.

– Вперед идите, – негромко сказал Куха двоим соплеменникам. Волки хорошо знакомы с повадками крысохвостых, им и вести разведку. А о том, чтобы дозорные хорошенько смотрели по сторонам, Куха не сказал – незачем зря колыхать воздух. Если и есть где-то беспеч-

ные люди, то только не в племенах, граничащих с крысохвостыми. Беспечный рожден, чтобы тешить врага, спускающего из-за куста тетиву, больше он ни на что не годен.

Но нет времени красться по-лисы. Рейд во владения врага будет дерзок и стремителен, словно внезапный удар копьём. И так же молниеносно надо уйти, свершив необходимое.

В овражке спрятали тощие котомки с лепешками и сушеным мясом – походной пищей воинов. Легкий, но излишний груз. Обеих собак, шикнув на них, увели с поляны и привязали к деревьям. Четвероногие братья Волков умны, натасканы на охоту, но в набеге от них больше шуму, чем проку. Пусть полежат здесь.

Шаги дозорных перестали быть слышны. Куха в сомнении вертел головой, склонял ее набок, слушал тишину. Воины забыли дышать. Кивок – все в порядке, можно идти, вернее, неслышно бежать по горячему следу.

Скоро... Теперь уже очень скоро.

Глава 10

И не могло нам в мысль уже прийти

Искать спасенья в бегстве бесполезном.

А.К. Толстой

Прямо посреди вытоптанного стадами поля нелепым чирьем одиноко выпирал невысокий крутой бугор, сложенный красно-черным гранитом. Пояс гор, раскинувшийся вширь где на пять, а где и на десять дневных переходов, в длину же никем не измеренный, любит пошутить: то нагромоздит скопище лесистых сопок, прижавшихся друг к другу тесно, как опята, то воздвигнет одну, но неприступную кручу, а то и смилостивится над людьми, раздвинет горы вокруг уютной долины – но и тут пошутит по-своему: возьмет да и вытолкнет из мягкой земли гранитный кулак высотой в десять, а то и двадцать человеческих ростов.

Каменный взгорбок был стар, ветры, вода и корни сумевших прорасти и выжить на граните сосен расширили трещины, раздвинули огромные валуны. Некоторые скатились к подножью, другие еще держались, заклинив друг друга, образовав естественное укрытие, очень пригодное для того, чтобы прятаться от стрел.

Этим и занимались восемнадцать человек, вовремя успевших укрыться меж глыб. Нет, всего семнадцать... Один не добежал, ткнулся носом в траву с засеваемой в затылке стрелой, подергался и замер. А стрелы летят... Не с одной стороны – со всех четырех, так что трудно укрыться даже в нагромождении глыб. Вот еще один из укрывающихся судорожно дернулся, получив стрелу, а куда получил – издали не разглядеть.

Солнце палило. Время перевалило за полдень. В такую погоду лежать бы на пляже, потягивая холодное пиво, да время от времени окунаешься...

Отряд человек в полсотни растянулся широким кольцом. Лучники не спеша выцеливали прячущихся. Круглые щиты, отороченные по низу странного вида шнурками, висели у лучников за спиной, не мешая гнуть луки. Шевельнулось что-то между камней – твякнули тетивы, стрелы кучно пошли послушными дугами. Успел ли укрыться неосторожный – неясно...

Кажется, не успел.

Ответных стрел не было. Высунься кто из укрытия – тут и смерть безумцу. Вначале осажденные пробовали отстреливаться, затем затаились, будто и нет их. Но готовы выскочить разом, чуть что.

Медленно-медленно сжималось кольцо.

В низкорослом ольховнике, прячась в зеленеющем подросте, лежали двое. Один, одетый в кричаще-красное и оттого старающийся как можно плотнее вжаться в планету и не маячить, шепотом спросил другого, не по сезону облаченного в валенки, драную телогрейку и трех:

– Ну, что там?

– Все то же, – низко пророкотал Витюня. Шепотом он говорить не умел. – Из луков стреляют.

– Да тише ты!

– Я и так тихо. Сам не дергайся.

– Слепень в шею кусает, сволочь...

– Потерпишь.

– Это ты потеешь, вот они и летят на запах. И клещей в этих кустах, наверно, как блох в дворняге...

– Угу.

Юрик заворочался.

– Ты не молчи, ты говори, что там делается. Мне же не видно.

– Нечего в красном ходить... – От раздражения, неостановимо вырастающего, как цунами в бухте, Витюня сделался разговорчив. – Во! Еще одному попало. Сверху. Вон тот гад стрелы вверх пускает. Умелый.

– Как минометные мины?

– Во-во. Тем, что на бугре, каюк, я думаю.

– Блин, посмотреть бы... разобраться...

– Лежи.

– Я и лежу.

Юрик медленно потянул руку к шее, но слепень был начеку и с низким гудением дал деру. Понятно, только на время.

– Сволочь...

Витюня не обратил внимания. Он во все глаза смотрел, как воинственные дикари со щитами, отороченными – теперь в этом не было сомнений – не чем иным, как крысиными хвостиками, все теснее сжимают кольцо вокруг гранитного бугра. Стрел они не жалели, по-видимому собираясь напрочь истребить прячущихся за камнями.

Но почему?! Зачем?..

От удивления даже перестала болеть голова.

Бред, бред!!

О чем бы ни болтал прилегший рядом трепач, какие бы вольные домыслы он ни строил, Витюня больше привык доверять здравому смыслу. Но как раз здравый-то смысл и отказывался воспринимать происходящее!

Сначала было плохо. Совсем плохо. Потом вроде стало чуть-чуть лучше, потому что нашелся этот болтун с подвернутой лодыжкой и хотя бы стало с кем поговорить, но почти сразу после этого сделалось еще хуже, чем было. Нелепые фантазии торговца бюстгальтерами подтвердились. Дикая страна, дикие нравы... Не успели Витюня с Юриком кое-как дохромать до этой обширной плещи среди лесов и обогнуть ее краем леса (идти по открытому пространству не решились), как позади завыли и завопили в полсотни глоток, и Юрик шепнул, что не худо бы затаиться и понаблюдать.

Завел болтун. Все-таки надо было идти берегом реки. Или нет?..

Меньший отряд дикарей, как мрачно заподозрил Витюня, шел, вернее, бежал по их следам с намерением настичь и в азарте погони, а может быть, и по холодному расчету, рискнул выбежать на открытое. Тут-то его и ждали. Тут-то неведомых преследователей и взяли в кольцо вот эти... с хвостами. Знамо дело, тоже дикари, но какие-то другие. И пошло-поехало...

Как дикарская засада не заметила двоих, пробирающихся вдоль опушки, – то неизвестно. Не заметили, ну и слава богу.

Юрик не утерпел, поднял голову и раздвинул листву.

– Уберись, – прогудел Витюня.

– Не уберусь. Они сюда не смотрят.

– Когда посмотрят, поздно будет, – и Витюня гугукнул от удовлетворения. Фраза получилась отменная, как в кино. Наверное, оттого, что прекратилась мигрень.

– Я вот что думаю, – сказал Юрик. – Те умники так и будут сидеть за камнями? Их ведь эти уроды перебьют. Подойдут на бросок и кинутся. Стрелков для прикрытия у них хватит.

Витюня промолчал. Главное, пока дикари не пригляделись как следует к ольховнику, не придется снова лезть в драку, а в тактике дикарских потасовок разбирайся кто другой. Одни дикие истребляют других диких – и пусть себе. Разрешается. Им даже полагается истреблять друг друга, если верить этому, как его... Робинзону. Может, они еще и людоеды к тому же... А что, запросто!

Витюню слегка замутило. Ну вот что, ребята, друг с дружкой – это уж как хотите, дело ваше, а если удумаете насчет меня, так имейте в виду: я против! Башку снесу.

– Если они не дураки, то попробуют прорваться, – не пожелал уняться Юрик. – А куда, знаешь?

– Ну?

– Сюда. В этом месте лес к ним ближе всего. Как раз на нас и выскочат. Понял, что надо делать?

– Что?

– Блин!.. Отползай!

– Зачем? – удивился Витюня.

– Жить надоело – оставайся, – великодушно разрешил Юрик и отчего-то сплюнул в прошлогоднюю листву. – А я пополз.

Осуществить свое намерение ему не удалось. Витюня увидел, как прячущиеся за валунами внезапно вскочили, заорали, пустили стайку стрел, отчего трое или четверо осаждавших бугор ткнулись в траву, и, отстреливаясь на бегу, со всех ног припустили к лесу. Больше того, прямо к счастливо найденной Юриком незаметной лежке!

Материться Витюня не любил с детства и ухитрялся обходиться без словесного допинга даже на стройке. Иное дело, конечно, ежели штанга не пошла – тут покорячишься, покорячишься под нею, да и бросишь гадину. Хорошо еще, если обойдется без членовредительства, а все равно хребет трещит, связки ноют, глаза выскакивают и в ушах гудят ростовские перезвоны. Вот тут-то не грех облегчить душу, и то лучше матюкнуться про себя – никто ж, и тренер тоже, не виноват, что нет у тебя настоящего таланта к железу. И штанга не виновата. А немногочисленные зрители и подавно.

Но сейчас Витюня невольно завернул такое, чего сам же устыдился бы впоследствии, будь текущий момент чуть-чуть поспокойнее.

На скулах сами собой заходили желваки. Рука крепче стиснула лом. Ох, опять...

– Это даже не мазохизм, – дрожим шепотом сообщил Юрик, уловив движение лома. – Это суицид. Лежи!..

Уползать кустами было поздно. И Юрик, как видно, это понял, поскольку прекратил отползание и молча потянул к себе копьё. Витюня только покосился. Много он тем копьём навоюет, дохляк. Но пусть берет, не жалко. Может, не даст порубить себя на шашлык, пока пойдет разборка с остальными. А разбираться, как видно, придется...

За камни спрятались семнадцать. На прорыв дикари без крысиных хвостов пошли уже в количестве четырнадцати – троих потеряли от стрел в ненадежном укрытии. Теперь их оставалось не больше десяти. Разметав цепь стрелков, они что есть сил драли к лесу. Те, другие, что с крысиными хвостами, вопя, мчались наперерез справа и слева, гнали бегущих по пятам, выцеливая на бегу. Один дикарь, мелкий ростом, отстал. Подросток, наверное. Сейчас его...

– Не уйдут, – сообщил Юрик, отводя мешающую ветку. – Как раз тут их и зажмут как миленьких. И мы не уйдем... Япона мать! – ахнул он, когда стрела показала жало из груди враз запнувшегося на бегу дикаря – не маленького, другого. – Видал, а? Насквозь! Ох, перебьют их всех...

Зло сопя, Витюня привстал на одно колено. Ранка на боку напомнила о себе уместной болью, и на какое-то время он перестал себя контролировать. Мало того, он и не желал этого!

С хрустом, с треском ветвей, с топотом и воплями вломились в ольховник преследуемые и преследователи. Навстречу им грянул яростный рык, немного похожий на медвежий, но куда более грозный, и из кустов проворно рванулось нечто темное, большое, а вслед за ним – поменьше и красное. И если второе существо – или враждебный дух? – всего лишь орало что-то на чужом языке, срываясь на визг, то первое, неудержимо проламывающееся сквозь кустарник, рычало совершенно не по-человечески, свирепо и страшно.

* * *

В последний момент Юмми успела-таки метнуться вбок, избежав удара пущенного сильной рукой дротика, и не с криком, свидетельствующим об удаче, – с жалобным всхлипом нырнула в ольховник. Скорее, скорее продраться, пока не окружили, и бежать, бежать...

Она не понимала, как это случилось. Может быть, крысохвостые раньше их выследили чужаков и ловили посланный вдогон отряд на приманку? Может быть, их лазутчики шныряли по земле Волков и, обнаружив спешащий к границе отряд, каким-то образом сумели сообщить о нем своим сородичам? Юмми не знала, не знала...

Ошибкой было выходить на открытое. Куха искал успеха в дерзости и за дерзость поплатился. Сначала не осталось ничего другого, как бежать под стрелами к единственному укрытию посреди поля. Потом, когда стало ясно, что укрытие не спасет, пришлось прорываться сквозь цепь стрелков и бежать к лесу. Разве девчонка сможет бежать наравне с воином? Она отставала и отставала, каким-то чудом была пока жива и даже не ранена, но еще ничего не кончилось, надо не дать снова замкнуть кольцо, вырваться, уйти, потеряться в лесу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.